

ЗРИТЕЛЬ

ежемѣсячное изданіе

1792 года.

ЧАСТЬ III.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.

из типографии И. Крылова съ товарищами.



О Д О Б Р Е Н И Е.

Напечатанъ позволено отъ Управы благочиній
Сентября 19 дня 1792 года. Коллежскій Совѣтникъ
и отправляющій должность Сankшпетербургскаго
Полицеймейстера

Андрей Жандз.

Мѣсяцъ Сенябрь.

Прошу покорно господъ Зрителей напечатать въ своемъ изданіи или просить доставить по надписи слѣдующее письмо. —
Вода безъ теченія зарастаетъ, словесность безъ критики дремлетъ. —

Изъ Орла отъ 10 Августа 1792.

*Милостивый государь мой, охотникъ
до театра!*

Нѣтъ мочи моей выдержать всего того, что вы пишете о Россійскомъ шашрѣ, о Французкомъ языкѣ, о музыкѣ и проч: въ вашемъ длинномъ разсужденіи. Давно у меня языкъ чешется на сочинишней Панегириковѣ слепленныхъ изъ малыхъ мыслей и большихъ словъ. — О изобиліе краснорѣчиваго пуспословія! — одинъ хвалился за нечто о свойствахъ Россійскихъ душъ, не зная самъ съ прочими на ряду, что такое душа; другаго голова завершлась ру-

лѣтой или вертушкой: есть отъ чего разодрать ротъ отъ зѣванья.

Но когда я васъ читаю

Все на свѣтѣ забываю.

И такъ позвольте мнѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на все, что можно замѣтить.

Я пропускаю ученое ваше предисловіе о склонности человѣческой къ ушѣхамъ; оно убѣдительно доказываетъ, что мы должны болѣе смеяться нежели плакать, и я естому очень радъ будучи самъ веселаго нрава. — Я соглашаюсь даже, что театръ есть училище благонравія, и что безстыдная наглость актеровъ и общаго вкуса лучше всѣхъ проповѣдниковъ поучаютъ юношество въ добродѣщеляхъ; хотя опыты доказываютъ противное; но видно что ешо правда, когда многіе согласно съ вами може утверждать. — Я ни слова не говорю о чудесахъ, которые вы дѣлали въ Москвѣ бывши шамъ учителемъ; это не мое дѣло. — Замѣчу только мимоходомъ о раздѣленіи вашемъ славы и корысши, кошорые, какъ вы говоришь, не бывають единственнымъ побужденіемъ человѣческихъ дѣяній, и что бѣзъ удоволѣствія сїи побужденія и-

чтожны. Они по сами и суть источники удовольствия для корыстолюбивыхъ или пищеславныхъ. Но сверхъ того сии чувствія славы, корысти, удовольствія, действуя надъ нами заключающія сами въ пространномъ словѣ *собственной пользы*, которая наполняетъ человѣческое сердце. Слѣдовательно ничто изъ трехъ не можетъ быть единственнымъ нашимъ побужденіемъ, ибо они ничто иное какъ части цѣлаго.

Вы называеще испиннымъ удовольствіемъ то, въ кошорое замѣщаеще разумъ. Хорошаго шоварища выбрали вы сердцу. Развѣ вы забыли что они другъ съ другомъ живутъ какъ кошка съ собакой? — Гдѣжъ будешь раскаяніе, ешьли не на запяшкахъ разума? — Напримеръ, я пишу прошивъ васъ; сердце мое не въ заговорѣ съ разумомъ и не чувствуещъ никакого удовольствія опровергашъ нетрудныя положенія, но разумъ пишасть мое самолюбіе лестнымъ именемъ критика. — Я вѣрно знаю, что буду послѣ раскаяванія; но какъ быть? — Чортъ Силенъ. — Между тѣмъ я боюсь чтобъ и вы не были подвержены такому же раскаянію, каково

г. Ф . . . въ рукописныхъ его покаяніяхъ, гдѣ онъ съ крайнимъ смиреніемъ сердца и сожалѣніемъ признается, что во всю жизнь былъ черезъ чуръ уміонъ. — Боже нась избавь такого покаянія! мы съ вами сполько не нагрѣшили. —

Вы говорите, что нужды Россіянину, что какой ипуть Чингизханъ Татарской былъ за-воеватель Китая и надѣлалъ тамъ много добраихъ дѣлъ? — Крайній нужды въ помѣнѣть; но пріятно и любопытно видѣть 1) потому, что Чингизханово поколѣніе державшее 250 лѣтъ въ порабощеніи Россію, нынѣ во все испребилось въ послѣднихъ Крымскихъ Ханахъ. 2) Потому, что даетъ намъ понятіе о добродѣтели живущей даже у варварскихъ народовъ. 3) и главная причина та, что трагедія хорошо писана. Я согласенъ что Козьма Мининъ и Князь Пожарскій могутъ со временемъ украсить Россійскую Мельпомену; но не во гнѣвѣ вамъ, Милосердій Государь, мнѣ также пріятно видѣть тающуя Диону и бѣснующагося Ярба. Когда у насъ выдумашь басни похожія на Гомерову Иліаду и Вирgilіеву Енсиду, тогда, будьше уверены,

что чрезъ лѣтъ тысячи лѣтъ на театрахъ
цѣлаго свѣта станутъ читать наши поэмы
и представлять нашихъ героевъ въ праге-
діяхъ. — Вы равнодушно смотрите на
Императора Тита, потому что онъ мило-
валъ только Римлянъ; какъ будто добро-
дѣтели, подобно людямъ, имѣютъ разныя
опечесшиа? — Вы надѣетесь найти луч-
шихъ героевъ въ нашей Исторіи. — Же-
лашельно, чтобы во всѣхъ лѣтописяхъ
мира прїискали вы такихъ дюжину для до-
полненія вашего щедраго списка. — Я знаю,
у васъ тошчасъ на языкѣ Пешръ Великій,
ЕКАТЕРИНА II. — напиши! — Пешръ
Великій ошъ насъ близокъ, ЕКАТЕРИНА,
къ счастію еще ближе; и такъ оставимъ
потомкамъ нашимъ славу изобрѣтенія пѣс-
ней для похвалы ИХЪ добродѣтелей, какъ
между шѣмъ повѣсть ИХЪ дѣлъ будешь
служить ИМЪ посвященною похвалою. —
Зависть, общая человѣчеству, не терпимъ
споль близкапашельного торжесшиа совре-
менниковъ, и не допускаешь споль явнымъ
испиннамъ смѣшавшися съ баснями спихо-
творцевъ, пока само время, просирая всю-
ду славу ИХЪ несърошеныхъ дѣлъ и сравни-

вая ИХЪ съ подвигами древняго Геркулеса, не внесешь именъ сихъ великихъ людей во храмъ героевъ баснотворныхъ.

И такъ, другое дѣло имѣшь желаніе видѣть своихъ предковъ подающихъ примѣры мужества, великодушія и проч. Сіе желаніе есть обще самолюбію всѣхъ народовъ и оно имѣетъ свои похвальные стороны. — Но запрещать чужимъ героямъ нравиться на нашемъ шеазрѣ, когда мы еще не имѣемъ ни сочинишелей трагическихъ, ни акшеровъ, такого самовласія нигдѣ не видано, кромѣ Папской Инквизиціи. Изъ милости позвольше намъ восхищаться сладкою нѣжностію Расина, мужественною высоцою Корнелія и многоразличнымъ блескомъ Волтера, и пока Козьма Мининъ не заставитъ насъ плакать, не запрещайше намъ ходить въ представлениія Федры, Афаліи, Ифигеніи, Сида, Гораціевъ, Цинны, Магомеша, Заиры, Кесаря, а иногда и Тицрова милосердія.

Вы кричише на переводы, на подражанія, на Аристошеля, на Французовъ, и спрашиваше отъ чего Мѣльникъ выдержалъ болѣе 200 полныхъ представлений, какъ между

тъмъ Мизантропъ, Моліерова комедія, со-
вершенное твореніе человѣческаго ума, ни-
когда не имѣлъ полнаго собранія? — Такой
вопросъ быль бы жестокимъ поношеніемъ
для Российской Публики, когда бы онъ въ
себѣ не заключалъ и оправданія. — Я не
знаю ни перевода эшой комедіи, ни пере-
водчика, но чаятельно что изо спа кра-
сомъ Моліеровыхъ ни одна не сохранена
въ цѣлости. — И такъ предспавьше вы
себѣ какъ бы быль смѣшонъ Гомеръ въ Цы-
ганскомъ нарядѣ? — Но не смотря на то,
что вы называете переводы весьма спра-
ведливо эстампами, хороший переводъ или
подражаніе Мизантрона будеть всегда ша-
жимъ эстампомъ, который затмитъ всѣ
грубыя картины нынѣшихъ малеровъ.

Вы требуете непремѣнно Россійскаго
вкуса независимо отъ подражанія другихъ
народовъ. Прежде надобно изѣясниться
что такое вкусъ; ето многозначущее сло-
во и на другихъ языкахъ не имѣшъ точ-
наго опредѣленія. — Ешьли вы подъ нимъ
разумѣете свойственное языку краснорѣчіе,
обороны словъ другимъ неизвѣстные, на-
речія и пословицы объясняющія нѣкошорыя

обычаи, даже нравы нашего народа, то таковой вкусъ нераздѣльно соединяется съ общимъ вкусомъ словесныхъ наукъ. — Когда же вы полагаеше сїе слово въ отвржениі правилъ писанныхъ для цѣлаго свѣта и принятыхъ всѣми просвѣщенными народами, когда вы хотиши показать настоящую природу во всей ея наготѣ, чтобы попомъ назвать подлиннымъ Россійскимъ вкусомъ; таковой вкусъ вамъ ввѣши очень легко, но вы никогда не успѣеше дашь сму привлекательныхъ красотъ. — Какъ ешо? — Развѣ всѣ природы хороши, кроме Россійской? Нѣтъ. — Всѣ народы, всѣ языки имѣютъ собственный вкусъ въ краснорѣчїи, для того что имѣя собственные нравы и обычаи, они постепенно приобрѣшали знанія и очищали свои языки хотя и подражаніемъ, но не выходили никогда изъ опечественнаго вкуса. — Можно ли сказать тоже самое о Россїи, которая вмѣстѣ съ кафшаномъ приняла вдругъ чужie художества, науки, обычаи, военное ремесло, и вмѣсто исправленія, повредила свой языкъ уродливымъ введеніемъ безчисленныхъ иностранныхъ словъ, которыхъ

искоренение будешь столько же стоить
труда, какъ первое учрежденіе наукъ и ху-
дожествъ у нашихъ возмущительныхъ
предковъ? — Но жалко, что не льзя намъ
пользоваться такимъ преимуществомъ. —
Въ ешомъ случаѣ и я съ вами стану сожа-
лѣть, но вы видите почему не возможно
намъ имѣть того, чѣто сами не приобрѣли
прежде подражанія чужестраннымъ.

Опять вы меня мучите вопросами: *Для
чего не создать въ Россіи на театрѣ вкуса
приличного нашему свойству?* — Я у васъ
спрашиваю: для чего бы не построить
домъ безъ рабочниковъ и безъ припа-
совъ? — Вы сами признаетесь, чѣто мы
съ вами весьма плохіе рабочники и чѣто
господа зрители печатаютъ насъ развѣ изъ
однаго снисхожденія или для наполненія
листовъ своихъ. — Припасовъ много; но и
тѣ не всѣ годятся для сославленія по же-
ланію вашему Россійскаго вкуса. — Зре-
лище есть картина большаго свѣта, сель-
ской жизни, или любопытныхъ приключе-
ній древнихъ героевъ. — Большой свѣтъ
у насъ болѣе иностранной нежели Русской;
сельскіе наши жители копчаться въ дыму,

и надобно быть страшнымъ охотникомъ до романовъ (а), чтобы недостатки природы дополнить силою воображенія и сплести шалашъ какому нибудь Ивану изъ миртовыхъ и розовыхъ кустовъ; — и такъ вамъ оспасшися только общество героевъ. Но между тѣмъ пока не родится у насъ Шакеспиръ, который бы разширилъ и опредѣлилъ границы Россійскаго вкуса; вы сами разберите въ какихъ пѣсныхъ предѣлахъ будетъ оной заключаться: на площадахъ, на рынкахъ и въ кабакахъ.

Вы замѣчаєте весьма справедливо, что Рускіе слуга не смѣютъ шутить съ своими господами какъ Французскіе Криспины, и для того ихъ колкости и шутки не свойственны нашему языку и театру. — Чѣмъ же вы займете нашихъ слугъ когда вы имъ

(а) Вы сами не прочь отъ романовъ когда уверите насъ, какъ будто Кипайдовъ, что въ Россіи неслыханъ про бѣлага солдата. — Или не льзя хвалить свое отечество не соплемя чудесѣ въ его славу? Скоро вы станете божиться, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ни плутовъ, ни дураковъ. —

позволише показаться? — Тѣмъ же точно чѣмъ занимаются и Французскіе, но безъ всякого зришней удовольствія и забавы, за которой вы сами настѣнно гоняете въ сльдѣ. — И такъ оспаешся нашему слугѣ оболгать нахально барина, укрась прорворо кошелекъ его, несши украденое въ кабакѣ, и вышедши отъ туда валяешься по полу. — Правда, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ видѣть въ оперѣ съ Яндовою въ рукахъ четырехъ пьяныхъ женщинъ, которые призывающъ визгливымъ голосомъ площадные пѣсни. — Вотъ картины въ самомъ природномъ видѣ, достойныя кисти какого нибудь Фламанского живописца! въ осмѣяніи порока позволяешь возбуждать смѣхъ, гнѣвъ, любовь, ненависть, но никогда оправданіе. — Въ исцеленіи зла должно убѣгать средству худшихъ нежели самое зло.. — Вотъ еще правила Французскія! — но Французы приняли ихъ отъ Грековъ, а Греки бывъ первейшими философами, открыли ихъ между шайнствами природы. — Поле засѣянное издревле Греками и Римлянами, котораго часть житвы собрали Французы. — Вотъ исходиа Фран-

цузкой словесности, и причина успѣховъ превосходнаго ихъ просвѣщенія. —

Позвольте мнѣ взять отдыхъ прежде нежели заговорю о музыкѣ. — Не шушка защищашь ремесло и честь цѣлой Италіи, которую вы такъ безчеловѣчно пускаеше по миру; — чтобъ перебиши сей хлѣбъ вы хошише непремѣнно Россію записать въ музыканты, и руки, собирающія лавры, украсишь балалайкою. На что сей такой шутовской нарядъ? Не ужели въ книгѣ судебъ писано, чтобъ каждое государство со всѣхъ часшей наукѣ и художествѣ собирало подати? — Или вы думаеше что можно согласно гремѣшь Марсовою и Апполоновою лирою? Италіанцы говоряшъ что въ Русской музыкѣ нѣтъ ничего привлекательнаго. Вошъ ешо уже непроспишельно! — Какое жесткое ухо! — слыша каждый день по улицамъ пѣсни нашихъ извощиковъ не могушъ приучишь себя къ согласію здѣшняго напѣва; — иному бы ешо всю душу разщекошало. Но въ извиненіе свое говоряшъ Италіанцы что не слышушъ никакой пріятности въ пѣсняхъ для того, что отглохли отъ грому пѣвчихъ; такъ то ихъ

музыка наша утомонила. — Скажите мнѣ, за чѣмъ вы не удивляетесь, что кромѣ Турокъ никто не восхищается Турецкою музыкою? Послушайте ешь справедливую повѣсть: — Одинъ Ирокеецъ былъ привезенъ въ Парижъ. Его водили по всемъ операамъ, по всемъ Академіямъ; ничто его не спрогало, ни удивляло. Вдругъ онъ услышалъ голосъ какой то волынки, по которой плясали медведи, онъ бросился въ шоѣсто, и нашедъ въ ней не малое сходство съ его отеческими пѣснями, не хощъ оштуда отспашь, крича, что спо самая лучшая музыка на свѣтѣ. — Послѣ того какъ же вамъ не предпочиташь Россійской музыки Италіанской? Каждой купецъ товаръ свой хвалишъ; но товаръ товаръ хорошъ, который всѣми единогласно почишаєтся за лучшій. — Пригорная сладость, которою вы упрекаете Италіанской музыке не есть порокъ ея существенный, но дурныхъ музыкантовъ, такъ точно какъ дуриные спиховворцы не означаютъ недоспакъ языка, но бѣдность умовъ. Въ устахъ ешихъ перепорговщиковъ все высокое дѣлается надушымъ, забавное низкимъ,

сладкое приторнымъ — правда, что Ишаліанская музыка вообще въ себѣ имѣетъ нѣкую роскошную пріятностъ влиающуюся въ сердца слушателей; но природа говоритъ ли намъ иначе? — Величество ся наскъ поражаетъ, страшныя перемѣны наводящіе ужасъ, но видъ простыхъ ея красотъ прогаиваетъ наше сердце и оставляетъ въ немъ сильныя впечатлѣнія, — Сіи по впечатлѣнія и дали первое свойство Ишаліанской музыкѣ, которую по справедливости назвать можно языкомъ сердца. — Однако я васъ долженъ благодарить отъ лица всей Ишаліи что вы по крайней мѣрѣ принимаете хоть ноты ея, какъ важнѣйшее достоинство ея музыки, которую вы, еспѣли успѣете выгнать изъ Россіи, того и смотрите что спасеніе безпокоишь Ишаліанскую Архиепекшуру, а со временемъ принудиша весь Петербургъ слушать одни гудки, и заспириваться деревянными анбарами.

Богатство Россійского языка неоспоримо. Но еспѣли онъ въ испочникѣ изобиленъ, то бѣденъ въ отдалкѣ и не ограниченъ въ употребленіи. Вы упрекаете Французовъ, что на ихъ языкѣ нѣтъ ни разума

ни добродѣтели въ общемъ смыслѣ; ешо правда. Но ежели надо употребиши въ какомъ нибудь особенномъ смыслѣ ихъ слова *esprit* и *vertu*, то безъ всякой околичности вы узнаеше когда *vertu* значитъ доброту, качество и добродѣтель, а *esprit* духъ, существо, спиртъ или разумъ, сполько ихъ граматика вычищена и бѣдносТЬ языка обогащена приличнымъ и не обманчивымъ расположениемъ разныхъ значній словъ каждого у своего мѣста. А между тѣмъ богатый нашъ языкъ, имѣя множество не обсѣченныхъ выражений, не можетъ иногда сыскать точнаго слова для названія вещей, которыя всегда передъ глазами. — Напр. Каждый день мы видимъ публику, а не умѣемъ ее назвать по Руски; каждый день мы ходимъ по каменнымъ пропинкамъ сдѣланнымъ для пѣшеходовъ и не знаемъ именно что подъ ногами; вы сами имѣя множество дарованій природныхъ или приобрѣденныхъ не иначе ихъ называеше какъ Французкимъ словомъ *талантъ*. Не входя въ глубину Метафизики, которой я не понимаю и въ обширность учебныхъ техническихъ изреченій,

Часть III.

Б

о которыхъ я слыхалъ, у насъ иѣть собственного слова кѣ изъясненію Genie, то есть превосходнаго проницательнаго ума; даже религія называется чужимъ именемъ. Я бы вамъ наскучилъ, еспѣли бы собрать всѣ тѣ слова, которыхъ намъ недостаетъ. — Чѣмъ прибыли намъ въ своихъ алмазахъ, когда чужее спекло кажеся бриліантомъ. — Я знаю, что такое усовершеніе языка идеть вмѣстѣ съ успѣхами наукъ, и требуетъ трудныхъ опытовъ многихъ поколѣній; такъ за чѣмъ же хотѣть чудесъ въ Россіи? — Съ варварствомъ обычаевъ и предразсудковъ труднѣе бороться нежели съ непріятелями. — Одно можетъ усыдишь насъ, что послѣ великихъ успѣховъ нашего языка во время великаго Ломоносова, кошорый вмѣстѣ сяялъ и собирая плоды, не лѣзя неудивляясь лѣнивому шествію, или лучше сказать усыпленію Россійской словесности. Кажеся будто науки и художества охопнѣе предаються въ руки своихъ нѣжныхъ любимцевъ нежели холодныхъ испытателей. — И такъ будемъ ожидать съ перпѣніемъ другаго Ломоносова, а между тѣмъ

опровергать справедливость достоинству иностранныхъ, кошорые были первыми нашими учительями, и кошорымъ мы обязаны даже образованіемъ нашихъ мыслей. — Самъ Ломоносовъ безъ помоци чужестраннаго просвѣщенія осмѣлся бы вѣчно рыбакомъ или неизвѣстнымъ студентомъ. — Вы дразните Французовъ какъ собакъ словомъ amour и порочише ихъ выговоръ. Французы же говоряшъ что въ нашемъ серебрѣ и золотѣ гораздо больше звонкости нежели въ языке, и что для внятнаго произнесенія нѣкошорыхъ словъ самыхъ употребищельныхъ, нада удавишься или свихнуть языкъ. — И подлинно разсмотрише сами плавность и прѣятнѣсть словъ, отмщеніе, щеславіе, защищеніе, отсушствующій, беспушспвіе, разиствующій и проч. то увидише, что они не даромъ бѣгающъ какъ язвы ужаснаго спеченія нашихъ согласныхъ буквъ. —

Я надѣюсь, что вы теперь сами отгадаете почему во время Французкихъ представлений бываешьъ больше каретъ нежели во время Рускихъ и не принудиша менѣ открывать всѣмъ извѣстныя причины. —

Изъ нынѣшихъ Рускихъ актеровъ есть
нѣкошорые съ отличными дарованіями, но
не касаясь личности всѣ вообще составля-
ющіе весьма посредственное общество дѣй-
ствователей, какъ вы ихъ называеше. —
По чѣму? — Не знаю. — Я замѣчаю шоль-
ко что театръ нашъ упалъ вмѣстѣ съ сло-
весноситію. — Говоряшъ что трагической
театръ во время блескшаго состоянія
г. Дмитревскаго и при жизни славной
Троепольской, едвали не превосходилъ то-
гдашній Французкій, по признанію самихъ
Французкихъ актеровъ. Госпожа Лесажъ,
которая въ свое время была изъ лучшихъ
актрисъ, не разумѣя почти нашего языка,
часто хаживала восхищашася божественною
игрою Гаррикова ученика. — — Заславить
молчать зависть и соперничество, вонъ
самая лестнѣйшая и неоспоримая похвала
рѣдкимъ дарованіямъ! — чѣмже споишь
нынѣшимъ актерамъ принудить самихъ
жестокихъ порицащелей Россійскаго иску-
ства посѣщать Россійский театръ? —
Но предразсужденія! — Милостивый Госу-
дарь! предразсужденія уступаюшъ удоволь-
ствію во всѣхъ людяхъ, кромеъ тѣхъ развѣ,

которые привыкли ни чѣмъ не наслаждаться въ жизни. — Но послушайше, что говорить Клевеша Ехиднымъ языкомъ. — За чѣмъ де вамъ бросать рубль въ воду и ходить въ Русской партерѣ, чтобъ видѣть какую нибудь Антигону, преходящую изъ древности въ неизвѣстность, или какого нибудь Русского пешимешра въ Французской кожѣ; какъ будто бы не лъзя и за то заплашить, что бы посмѣялся въ трагедии, а поплакашь въ комедіи.

Впрочемъ я ласкаюсь быть во многомъ одинаково мнѣнія съ вами. — Я вмѣсивъ съ вами вижу вредъ иностранного воспитанія, не менѣе восхищаюсь многими красошами Россійскаго языка, и въ унылой музыкѣ нашей нахожу иногда пріятную мелодію; но все это похоже на неоконченное изваяніе, кошораго не лъзя осмѣлившись сравнить съ *Венерою Медицисъ*. — Нѣкоторые лисипомарашели, думая шѣмъ угодить своему ощечесиву, наперерывъ выхваляюшъ его просвѣщеніе, художества, науки, шеатръ, и въ глазахъ нашихъ, среди Россіи, сославляюшъ искъные романы, которые они называюшъ ободреніемъ Рос-

сїйскихъ дарованій? — Прекрасное средство, ободрять науки говоря что намъ не нужно болѣе учиться! Не лучше ли, изъ любви къ соотечесвнникамъ, показывать имъ ихъ недоспаки и устыжая ихъ шмоную сонливость, воспламенишь желаніе углубляться въ науки, дабы слава нашего неприворного просвѣщенія сравнилась съ славою Россійскаго оружія. —

И такъ, Милоспивый государь, признайшесь что thou народъ, котораго шеатръ составленъ изъ дурныхъ переводовъ или посредственныхъ подражаній, котораго музыка, неоживленная разнодличностію спасей, не имѣстъ ни постояннаго вкуса, ни правилъ, ни музыкантовъ, и который не читаетъ еще на своемъ изобильномъ языкѣ порядочной испорїи своего мудраго законодателя, посывашаго въ Россїи науки вмѣстъ со славою; — что thou народъ не имѣстъ сильной причины хвастать своими успѣхами во всѣхъ часпяхъ человѣческихъ знаній. — Къ спыду нашихъ ученыхъ, но къ похвалѣ и чести г. Голикова, его Исторія лучшая, попому что первая. — Вы душевно привязаны къ своему отечесству,

и я тоже. — Какъ же одна причина могла произвѣсти разныя дѣйствія? — А вонъ почему! вы любите его какъ любовницу, а я какъ друга. — И такъ, еспѣли вамъ угодно будеши продолжашъ повѣсть о чудесахъ нашего просвѣщенія, то изволъше подпisyваться шолько: *охотникъ до театра*, и положитесь на меня чио я усердный вашъ работникъ пока спанашъ чернилъ и празднаго времени. — —

Покорный вашъ слуга.

N. N.

Р О З А и Л И Л Е Я.

Въ саду соперницы одномъ
Росли и Роза и Лилея.
Зефиръ чушь вѣялъ имъ крыломъ,
Почтенье къ прелестямъ имъя;
Но былъ всегда онъ не рѣшимъ
Копорой лать любви цѣну:
То Роза обладала имъ,
Колебля чашечку надмѣнну;
То Лилея нѣжна, бѣла,
Его вниманіе влѣкла.

Всякъ знаєшъ какъ самолюбивы
 Всегда бываюшъ красоты.
 Лилея, Роза, горделивы,
 И презираюшъ всѣ цвѣты ;
 И даже въ ссорѣ межъ собою. —
 Но какъ соперницамъ двумъ бышъ,
 Не ссоринься и въ дружбѣ жишь ? —
 Нѣшъ миру имъ и нѣшъ покою ;
 И ихъ жилище, райскій садъ
 Померкъ, зря зависти въ нихъ ядъ.

Амуръ однажды по дорогѣ
 Тѣмъ мѣспомъ милымъ пролешалъ ;
 Обѣихъ видитъ опѣ въ тревогѣ,
 И недоволенъ споромъ сналъ.
 Онъ разсудилъ ихъ безпристрастно,
 Не долго слушалъ и мирилъ ;
 Взялъ ихъ и на лице прекрасно
 Анююино пересадилъ.
 Велѣлъ имъ цвѣсть безъ всякой ссоры,
 И вдругъ и порознь тамъ блиспашь,
 Плѣнять прѣятной смѣсью взоры
 И нѣжны чувства открываипъ.

А . . . Б . . .

Т Е А Т Р Ъ.
(Продолженіе.)

Трагедія.

Не лъзя привести всѣ содержанія въ трагедіяхъ, чѣмъ бы они окончивались счастливо: нѣкто писавъ правила шешшура сказалъ, что счастливая развязка послѣ первого представлѣнія не производиша ужс въ зрителѣштого препетанія, которое онъ чувствовалъ; ибо знаешь уже онъ, чио кончишся счастливо; а когда онъ помнишъ, что синевашее его привязанность лицо погибнешъ, тогда онъ при впоромъ предста-
вленіи больше еще содрагаешься: можетъ быть сїе и справедливо; но ешьли бы *Тита* убилъ *Секстъ*, или бы *Секста* не про-
спилъ *Титъ*; я бы въ другій разъ не по-
шелъ смотрѣть *Титова немилосердія*. Я
бы желалъ всѣ трагедіи развязывать сча-
сливо; но ешьли необходимость содер-
жанія штого требуетъ; то для чегожъ и
не моришь героя, хотя это прошивъ
моего сердца: по крайней мѣрѣ, когда не-

обходимо должно уморить кого нибудь, то пускай бы умирали одни порочные лица . . . а добродѣтель . . . не лъзя и ишупя безъ преступленія мершвить ее. Какъ мнѣ жаль Хорева и Оснельду, что ихъ уморили . . . это была бы презавидная чета.

Многіе полагали, что душа трагедіи спрасить любовная, и кажешся разсуждали шакъ не безъ основанія, поколику любовь еспь душа всѣй природы; она единосущна человѣчеству . . . Она на земли соспавиши можешъ наше блаженство: и она же причиняешъ всѣ мученія: нѣпъ упѣхи сладоспинѣсъ твой, которую вкушаємъ мы отъ любви чистѣйшей; и нѣпъ ужаснѣе огорченія, которое раждаешъ въ насъ упрямая любовь: чшожъ можешъ, кроме ся дѣйствованіе сильнѣе въ трагедіи? Не лъзя однакожъ посшавиши непреложнымъ правиломъ, что бы трагедія вмѣщала въ себѣ одну шолько любовь. Мерола совсѣмъ другимъ чувствованіемъ подвигненіи и каменное сердце къ сожалѣнію.

Что бы такое ни было основаниемъ трагического дѣйствія, только нужно, чѣмъ бы оно касалось самаго совершенства. Трагедія ни чего посредственнаго не терпитъ, малѣйшая слабость въ ней чувствительна; а посредственность не сносна; все то, чѣмъ близко къ обыкновенному въ трагедіи смѣхъ производитъ, на примѣръ: Государь всякий день, равно какъ и подданный его укреплястъ тѣло свое пищею и пинцемъ: чѣмъ бы это за дѣйствіе было, ешьли бы лицо въ порfirъ и корону въ трагедіи приказало подашь себѣ среди самаго жаркаго явленія чашку чаю или спаканъ лимонаду? Или бы Героиня сѣла за уборный столикъ? Правда; въ одной Нѣмецкой трагедіи Императору пускають кровь опѣ испугу, хотя и за шеашромъ; однакожъ онъ выходитъ съ завязаной рукою и опѣ скучи играетъ въ шашки . . . Вотъ дѣйствіе, которое было бы совершенно въ своемъ родѣ, говорилъ мнѣ одинъ Нѣмецъ; ешьли бы его Величести приказалъ себѣ подашь трубку шабаку? Я бы хотѣлъ спросить

у сочинителя, когда первое действующее лицо играетъ отъ скуки въ шашки, что должны дѣлать тогда зрители? . . .

Английскіе и Нѣмецкіе трагики позволили себѣ писать въ трагедіи всякую смѣсь: славный Чексперъ вмѣщалъ въ своихъ трагедіяхъ шакія лица и дѣйствія, кои орѣхъ унизили бы и самую простонародную комедію, и хотя онъ умѣлъ выкупать си грубыя уподленія наиболагороднѣйшими трагическими красотами; однакожъ просвѣщенный вкусъ никогда не одобрялъ сихъ идолично странныхъ перемѣнъ въ явленіяхъ. Чексперовы красоты подобны молнii блистающей въ темнотѣ ноцной: всякъ видишъ, сколь далеки они отъ блеску солнечнаго въ срединѣ яснаго дня.

Кажется, весьма трудно согласить чрезвычайности дѣйствія и возвышенность слога въ трагедіи съ естественностью; однако же трагедія не должна ни какъ пытиться передъ природою: красоты трагической тогда только прелестны, когда они

если бы были; а иначе трагедия походила бы на Езопову лягушку, которая сидела, раздуваясь сравнившись величиною со слономъ. По важности мастерии хотя слогъ трагедии долженъ быть важенъ; однакожъ долженъ уступить Эпической поэмы, въ которой чѣмъ сильнѣе вымыслы спихопворческіе и чѣмъ блестательнѣе украшени¤ Рицорической, тѣмъ больше слогъ возвышенный возводитъ на степень совершенства поэмы. Въ трагедии же возвышенный слогъ долженъ быть въ срединѣ между украшениемъ виттѣсса и самою проспѣшою . . . Вотъ камень прокновенія, на которому и самые великие люди спотыкались! . . сколь ни великъ былъ нашъ Ломоносовъ; но онъ въ своихъ трагедіяхъ не наблюдалъ сей средины . . . Везде въ нихъ виденъ великий спихопворецъ — и если бы были Демофонъ, Тамира и Селимъ, были мѣньше поэмы, тогда бы трагедіи сїи были вѣнцемъ Россійскаго театра: но какъ бы то ни было; я бы желалъ когданибудь увидѣть сїи трагедіи въ представлени¤,

дабы видѣшь, какое дѣйствіе можешъ произвесь риаторика на шеатръ — когда играюшъ Цинну, то кажется, Демофонъ можешъ изпоргнуть рукоплесканіе.

Я не знаю, отъ чего происходитъ у всѣхъ почти сочинишелей, какъ будто бы общее соглашеніе выводить въ трагедіи наперстниковъ и наперстницацъ, которые ничего другаго не дѣлаюшъ, какъ только уговариваюшъ героевъ и героинъ, чтобъ одни не страдали, а другія не плакали, и тѣмъ самымъ только что подразниваюшъ ихъ и къ тому и другому; и кажется, какъ будто сочинишели, считая себя отцами своихъ сочиненій болѣе истинныхъ отцовъ имѣюшъ попеченія, чтобъ не пускать своихъ героинъ на шеатръ безъ мамокъ; а героевъ безъ дядекъ; а сіи мамки да дядьки, обыкновенно бываюшъ самые плохіе ошинки въ трагической картины. Хотя съ содраганіемъ, чтобъ не обидѣшь великихъ трагиковъ; однако же покушаюсь приписать лица наперстниковъ и наперстницацъ или ихъ нерадивости въ обработаніи очерпанія,

или самому недоспашку въ расположени. Сочиниши убѣгая отъ одноличныхъ явленій заспавляющъ прекрасныя чувствованія первыхъ лицъ высказывать симъ ничего не значущимъ по связи трагедіи наперстникамъ или наперстницамъ, кои до того иногда доуговаривають, что первое лицо упадетъ въ обморокъ; тушь покрайней мѣрѣ наперстничество нужно, чѣмъ было кому поддержать ослабѣвшее отъ горести лицо: для чего бы подобныя чувствованія не высказать взаимно двумъ героямъ предшественія? Или для чего бы не вмѣщашь наперстниковъ въ дѣйствіе такъ, что бы они отшѣняли героевъ безъ излишсива и безъ напряжки, и дѣйствовали бы сами, чѣмъ увеличиши дѣйствіе своихъ героевъ?

Вошъ еще недоумѣніе, копораго по слабости моего разсужденія самъ собою решить не могу, что за лица въ трагедіи *вѣстники*, и какая въ нихъ можешь быть нужда? Я уже изѣяснилъ преимущество дѣйствія надъ разсказами, и когда повѣствованіе

не удовлетворяетъ ожиданію зришеля, то можешьъ ли быть ему пріятенъ вѣшникъ, о коемъ во всѣй трагедіи зритель и слыхомъ не слыхивалъ, и коего явленіе на шеатръ за шѣмъ послѣдовало, что естьли не досадишь зрителямъ, то покрайнѣй мѣръ опияшь у нихъ удовольствіе видѣть своими глазами развязку тронувшаго ихъ дѣйствія.

Скажуши мнѣ, что не лъзя многихъ сдержаній развязать на шеатрѣ, и что необходимость заспавляеть иногда развязать узелъ дѣйствія повѣстію; но я не нашелъ невозможности шрувора уморить на шеатрѣ; онъ бы могъ заколошися, естьли надобно колошися, и съ Ильмѣною вмѣшъ при глазахъ Синава, коего изспулѣніе было бы несравненно сильнѣе, и тогда бы отецъ нашего шеатра счастливо убѣгнувшій отъ наперстниковъ и наперстницъ въ сей трагедіи спократно большую бы спяжалъ себѣ похвалу, когда бы обошелся и безъ вѣшника, сколь онъ ни прекрасно повѣствуешьъ въ Синавѣ.

Послѣ представленія *Всеслава*, обвиняли многія сочиниша въ томъ, для чего онъ употребилъ вымыщенныя имена, основавъ дѣйствіе свое на испорической испинѣ? Но онъ въ оправданіе свое говорилъ, когда позволено трагикамъ къ испорическимъ именамъ присвоить дѣйствіе вымышленнос, и критика прошивъ сего молчаніе, то онъ надѣясь, что критика не прогнѣваєтъ на него за вымыщеніе именъ.

Зришлю, нѣть нужды до того во всякой почности сочиниша слѣдоватъ испорїи лишь бы трагедія произвела дѣйствіе надъ его сердцемъ? Сочинишу не послужишъ оправданіемъ испорїя, когда трагедія его суха и скучна, кольми паче, когда еще сочиниша подумаешьъ, что знаніе испорїи зришель долженствуетъ объясняшъ его узелъ; надобно, чтобъ трагедія вездѣ сама себя объясняла: часпо случаешься, что слѣпое послѣдованіе испорїи обезображиваетъ трагедію, поколику цѣль испорїи совершенно различествуетъ отъ цѣли трагедіи. Испорикъ ищешъ единой

истинны; а трагикъ плѣнительного дѣйствія, для коего ему все позволено. Исторія повѣсивуешь, чио славныя герои и влѣдьки часпо сами кушанье спрягали; а въ трагедіи смѣшенъ бы былъ Ахиллесъ варящій кашицу. Трагедія ищешъ совершенства своего въ благородствѣ величественномъ и въ проспопѣ величественой же прильпаетъ къ исторіи и въ тоже время отъ нея убѣгаешь, гордишся испинною дѣеписанія и въ тоже время выставляешь собственныя свои прелѣспы. Представимъ себѣ мельномену женчиною одаренною всѣми совершенствами разума просвѣщенаго, которая при наружной красотѣ своей никогда не пренебрегаетъ убранства, и умеетъ превзойти всякую щеголиху своею разборчивостію и вкусомъ, въ семъ подобіи заключается, кажется ясное понятіе о трагедіи.

Сколь же она быть должна разборчива въ самыхъ дѣйствовавшихъ, которые должны украшать собою прекрасносъ сочиненіе!

Представляющій Героя долженъ кромѣ чистаго и яснаго произношенія, и прѣятствіаго голоса имѣть наружность спройную, спанъ видный и красивый, черты лица выразительныя, дабы достойнымъ быть обожашемъ такою богини, какова мельпомена. Чѣмъ пощребно для геройни щратической? Правда искусство можетъ замѣнить недостатки природы; однакожъ не всегда. Я не знаю какое то впечатлѣніе рождающееся въ напицѣ воображеніи о величествѣ наружномъ при величественныхъ чувствованіяхъ — Пускь выйдетъ актеръ представлять Александра великаго точно такого вида и росту, какимъ описывается намъ историкъ сего славнаго завоевашеля: всѣ зриели вознегодующъ и непримущъ въ оправданіе, что историкъ сказалъ объ Александрѣ — согроте *ragus*: то ешь, Малорослый . . . много надобно актеру искусства и дарованій, чтобъ первое не выгодное для себя впечатлѣніе цѣлаго со- бранія персмѣнишь въ свою пользу.

Не помню въ какой то трагедіи цѣлый
три дѣйствія ничего другаго не говорили,
какъ описывали героя, любовница была за-
ражена его красотою и чувствованіями, и
для того не хотѣла отдать руки его со-
пернику, который мучимъ былъ ревносію,
посыпалъ войски прошивъ счастливаго со-
любовника; поминуши возвѣщали о его
силѣ и неустрашимой храбрості. Въ че-
вертомъ дѣйствіи хипросію обезоружен-
ный счастливый любовникъ ожидается всѣ-
ми зришелями на явленіе; уже приходъ его
возвѣщається — всѣ воображаютъ, что по-
кажется человѣкъ видный рослый и краси-
вый; но вместо того появился маленький,
сухинъкій, скорбникій, кошорый до самаго
конца трагедіи, что есть: до самой
своей смерти божился всѣми клятвами,
что это онъ; но ни кто изъ зрителей не
повѣрилъ, и съ шѣмъ разѣхались, что не
видали такого героя; на конюромъ все дѣй-
ствіе трагедіи было основано.

На что искать въ исторіи; очевидныхъ
примѣръ ясно увѣряющъ насъ, что не всѣ

великіе и славные герой и полководцы были великомълесны, однако же трагедія на то не смотритъ. Сказываюшъ, что Лекенъ Французскій и Гаррикъ Англіцкій были малаго росту, но умѣли казаться на шафре великими своимъ искусствомъ, чего своими глазами невидалъ, што утверждашъ не смѣю. Скажу только, что какъ можно быть великому герою безъ стройнаго тѣла, то равномѣрно можно великимъ искусствомъ заспавиши зришеля позабыть о не выгодномъ спанѣ, и еспѣли должно выбирать искусство безъ стройности или стройность безъ искусства; я буду на споронѣ первого, и всякъ со мною согласится предпочтъ живаго человѣка прекрасной куклы.

Великолѣпная пышность зрѣлища весьма прилична трагедіи, нужно только употребляти сѧ къ спашъ и что бы она служила украшенiemъ дѣйствію и весьма надобно остерегашся, чтобъ не зашибъ дѣйствія великолѣпіемъ, и что бы не забросашъ безгласною шолпою гласныхъ героевъ.

Мѣщанская или гражданская трагедія не менѣшаго пребуешь вниманія и разборчивости въ сочиненіи и въ представлѣніи, хотя лица въ ней ниже пірагедіи, героической, и слѣдовательно слогъ ближъ къ обыкновенному; отъ чего дѣйствіе оной скорѣе проникаешь въ сердца зрителей; поколику состоянія ихъ сходствующъ съ состояніемъ дѣйствія, и я думаю, что хорошую мѣщанскую трагедію написать споль же трудно, естѣли еще не болѣе героической — въ ней должно возвышашь чувства и спрасни; а слогъ наблюданъ обыкновенный. Чувствованія царей, какъ бы они велики ни были, и какъ бы они сильно ни были выражены, сочинитель никогда не превысишъ мѣры по великости особы имъ изображаемой; онъ избирашъ слогъ и самый образъ выраженія, какій захочешъ; но тамъ, гдѣ должно вывести на шеатръ шакія лица, которые ежечасно обращаются въ глазахъ: гдѣ изъ обыкновенного образа изъясняться не можно высушуши ни на одну чершу, гдѣ никакимъ почши велико-

льпіемъ не лъзя украсить явленія . . .
 а должно возбудить душу, привлечь вни-
 маніе и разпрогать сердце, скрѣ мо-
 жешь сочинишиль впастъ въ погрѣшности,
 кошорыя всякий легче примѣтишь можешъ.
 Я не знаю для чего различаюшъ мѣщанскую
 трагедію отъ драмы, я никакой разности
 не вижу кромѣ той, что въ драмѣ иногда
 вырвешся слово или лицо производящее
 иногда улыбку или самый смѣхъ, кошорый
 сочинишили полагаюшъ съ намѣреніемъ усу-
 губишь плачь, какъ равно и въ комедіяхъ
 бывающъ явленія изпоргающія слезы, и
 такъ кажешся можно осмѣлишься мѣщан-
 скую трагедію смѣшать съ драмою и оспа-
 вить на волю сочинишиля всю ли онъ напи-
 шепъ плачевную или гдѣ нибудь коснется
 и смѣха: но примѣтишь должно, что въ
 драмѣ смѣхъ какъ нѣкоторая отрада и от-
 дохновеніе зришель отъ чувствительно-
 сти и сей смѣхъ или улыбка полико слад-
 доспныя весьма далеки отъ смѣха комедіи.

(Продолженіе впредь.)

* * *

Желая продолжать мое разсуждение о комедии, я его прерываю на время, дабы не сълашь неучтивости умѣденіемъ моего отвѣта.

Милостивый Государь мой!

Нижайше благодарю васъ за трудъ, который вы самовольно приняли на себя просмотрѣть слабое мое сочиненіе напечатанное въ Зритель подъ главицемъ театръ и прислать сдѣланныя вами замѣчанія: я ихъ прочиталъ и просилъ издашель напечатать сей мой отвѣтъ.

Всякую критику прѣимлю съ ощущеннымъ удовольствiемъ по тому, что справедливое суждение обнажая пороки сочиненія служитъ сочинителю наукою впредь ихъ остерегаться и следовательно просвещаешь его: всякое сочиненіе, когда обѣ немъ судяшъ, и дѣлающъ на него замѣчанія заслуживаешь какое нибудь вниманіе; а сїе сочинителю весьма лѣстно. И такъ;

позвольше мнъ обѣявить вамъ мое удивленіе, чио у васъ будши мои не спало выдержать всего што, чио писано мною о *тсатрѣ, о французкомъ языкѣ и о музыкѣ*, когда вы сами ласкаешьесь быти со мною во многомъ согласны: чио у васъ языкъ чешешся на сочинишлай Панегириковъ слепленныхъ изъ малыхъ мыслей и большихъ словъ; я не будучи лѣкаремъ не могу вамъ помочь отъ сей чесотки . . .

Вамъ не нравится нѣчию о врожденномъ свойствѣ душъ Российскихъ, поколику вы думаеше, чио тошъ кто писалъ не знашъ, чио есь душа? . . Что есь душа, писашель это знашъ съ прочими на ряду, развѣ вы докажеше тому прошивное . . .

О изобиліе краснорѣчиваго лѣстословія! Ставшя на рулетки или вертушки, кроме хорошаго слога писана съ такимъ намѣреніемъ, котораго я вамъ усердно желаю при всякомъ начинаніи вашего писанія, и въ которое ешьли бы вы проникли, то бы сочинишлева голова не показалась вамъ завершевшуюся, и вы бы не разодрали рша отъ эъ-

ванья. Но эшо не мое лѣло всякъ можеть
вамъ за свое сочинсїе принести свою бла-
годарность; а я буду вамъ отвѣтствовашъ
за свое.

Вы соглашаешься, что театръ есть учи-
лище благонравїя; а принисываешъ акте-
рамъ и общему вкусу безстыдную наглость,
коюорая очень не къ спаѣ поставлена въ
степени уравнительномъ съ поученїями
проповѣдниковъ. Что театръ многихъ поу-
чилъ въ добродѣтели и просвѣшилъ въ
испорїи тому много примѣровъ найти
можно; я бы не зналъ, кто первый зало-
жилъ столичный городъ Москву, если бы
не видаль Олега . . . въ чемъ вамъ чи-
спосердечно признаюсь . . . Вы почишае-
ше чудесами, что дитя скорѣе заввердилъ
Россійскую исторїю смотря ежечасно на
лицѣизображенїя Россійскихъ Государей, не-
жели бы уча уроки въ книгѣ . . . Эшимъ
вы рождаеше во мнѣ сумненїе . . . были
ли вы когда нибудь ученикомъ или учи-
шелемъ?

Что слава и корысть суть единственными побуждениями всѣхъ дѣяній человѣческихъ, и что удовольствіе ихъ совершають, это истинна неоспоримая; но что бы всѣ си при означались подъ единымъ названіемъ *собственной пользы*, и что съ всѣми прибыли части единаго цѣлаго; позвольте мнѣ въ томъ вами не повѣришь, доказашъ съ мною тому факти замѣчанія, къ коимъ не возбуждала васъ ни собственная ваша польза; ни корысть ни удовольствіе, какъ вы сами признаетесь; а слава лѣстнаго имени критика; то какъ же вы запрещаете мнѣ раздѣлять, что вы сами раздѣлили . . . Такое самовластіе развѣ въ Палской инквизиціи бываетъ.

Вы не велише разуму мѣшаетесь въ удовольствія сердца, говоря, что разумъ живешь съ сердцемъ, какъ кошка съ собакой, я въ себѣ такого подобія не примѣтилъ, развѣ вы мнѣ разтолкуете, кто у васъ собака и кто кошка: а еспѣли у разума запяники, куда вы помѣшили разказаніе, о томъ я не знаю, поколику до нынѣ не слы-

хивалъ, какій экипажъ имѣеть разумъ . . . Вы говорите, что будете разкаиваться . . . собственное признаніе паче всякаго доказательства . . . Обо мнѣ, я беру смѣлость васъ увѣришь, что я никогда не согрѣшу мыслю, чибо я чрезъ чуръ уменъ.

Вы говорите, что вамъ пріятно и любопытно видѣть Чингисхана пошому, что его поколѣніе 250 лѣтъ державшее Россію въ порабощеніи нынѣ во все изшребилось; а мнѣ пріятнѣе видѣть добродѣтель жившую въ нашихъ хоя и въ порабощеніи бывшихъ владыкахъ, шѣмъ болѣе, чибо удивляться ихъ совершенному геройству возмогшему свергнуть ненавистное иго Тайпаръ — трагедію же ни кто испортилъ, и ешьли бы вы потрудились прочесть все мое разсужденіе, вы бы увидѣли мое признаніе, что Французкіе трагедіи лучше нашихъ. За что мнѣ гнѣвашся, чибо вамъ пріятно видѣть шающу Дидону и бѣснующагося Ярба; въ сей трагедіи по всюду видны красоты прямо прогающія: какое бы было усладительное зрѣли-

ще, еслъли бы сей огнь стихотворческій
еспѣли бы сїа сила дѣйствія и нѣжность
чувствованій явились на шеатрѣ въ ли-
цахъ Россійскихъ героевъ! Я очень нерав-
нодушно смотрю на Императора Тиша; а
совсѣмъ тѣмъ спокрашно буду повторять
желаніе видѣть своихъ Государей, которыс
миловали Россіянъ, и гораздо больше по-
чувствую удовольствія; не опираюсь ошъ
словъ своихъ: пріятнѣе видѣть дѣшамъ
славныя дѣла своего отца, нежели поспо-
ронняго . . . На чио намъ дожидашся
двухъ тысячи лѣтъ, чтобъ басни наши,
еспѣли они будущъ походиши на Иліаду
и Енеиду, заставили цѣлый свѣтъ изби-
рашь изъ нихъ содержанія для шеатровъ:
время уже въ шоль счастливый и просвѣ-
щенный вѣкъ не о басняхъ думашь и не ре-
бяческими вымыслами о спрасполюбивыхъ
богахъ; но самою испинною украшашь
ушѣхи сердца и разума.

На чио рыться въ лѣшописяхъ мїра,
нужно прочесть одну исторію ошечесиен-
ную найдущую Владимиры, Ярославы, Все-

володы . . . Михайло мудрый; найдется
крохотинъ геройство и милосердіе прежде
еще шѣхъ священныхъ именъ, кои вѣчность
поставила на жертвеникъ своего храма;
составивъ изъ подвиговъ ихъ непреложное
училище . Владыкъ земныхъ языкъ мой
произноситъ ихъ съ искреннимъ благого-
вѣніемъ; они запечатлены въ сердцахъ и
душахъ Россіянъ.

Замѣнить должно, ч то не все то до-
бродѣтель въ одномъ народѣ, ч то почи-
наешь добродѣтелью въ другомъ . . .
У дреvниxъ Римлянъ была первая добродѣ-
тель презирать царей; а у насъ отечестива
онецъ первый по Богу . . . Добродѣтель
подобно людямъ имѣшъ отечество: сль-
довашльно желать видѣть своихъ пред-
ковъ подающихъ примѣръ мужества и ве-
ликодушія не есть самолюбіе; а внутрен-
няя привязанность равная союзу кровному:
и сїя привязанность весьма далеко от-
стоитъ отъ запрещенія нравишься чужимъ
героямъ на театрѣ, въ чемъ вы напрасно
меня поклапали: вошъ каково, когда съ серд-

цемъ разумъ не въ заговорѣ. Сумароковъ, Княжнинъ, Херасковъ, Николевъ, Майковъ и другіе сочинили трагедій суть доказательствомъ, что у насъ онъ есть; а представлѣнія оныхъ и слезы зришель увѣряюшъ, чио есть и актеры.

О переводахъ осмѣлюсь вамъ доложить, что они никогда не составятъ совершенного шеатра; но ис зная переводчика и не читавъ перевода Мольерова Нелюдима, и сказать на удачу, что въ немъ изо спа красотъ Мольеровыхъ не соблюдена ни одна, есть действіе сердца, съ которымъ разумъ не въ заговорѣ.

Вкусъ отечественный непремѣнно долженъ быть на шеатрѣ; а безъ того ни истиинной пользы ни испиннаго удовольствія шеатрѣ приносить не можешъ; и никогда недоспигнемъ до своего совершенства; но я удивляюсь, какъ вы колеблесь опредѣлишь его, и чио надобно для составленія вкуса: пошрудишесь прочесть въ моемъ разсужденіи о шеатрѣ, гдѣ для

созданія вкуса я не отвергалъ подражанія, какъ видно споль вами любезнаго и именно говорилъ, что природа являться должна на шеатръ необнаженная; но во всемъ ея украшений, и опять повторяю мой вопросъ, для чего не создать въ Россіи на шеатръ вкуса приличнаго нашему свойству, и для чего ему не быть въ своемъ родѣ совершеннымъ? Я могъ ошибиться, какъ человѣкъ въ образѣ, какъ созидалъ вкусъ . . . и вотъ, что бы надобно вамъ замѣтишь, и въ чёмъ бы вы оказали мнѣ величайшее одолженіе; есъли жъ вы сіе пропустили:—спало или я не ошибся, или по вашему признанію, что мы плохіе рабошники, вы того замѣтишь не умѣли, и послѣ принуждаеше меня увѣриться, что не возможно намъ имѣть того, чего сами не пріобрели прежде подражанія чужестраннымъ, шо есть: что мы по вашему, не можемъ имѣть собственнаго вкуса; и сами же говорите, что припасовъ много; но рабошниковъ нѣтъ. Не ужъли вы забыли что Богъ создалъ человѣка послѣ всего,

создавъ напередъ все ему принасы, слѣдовательно видя принасы для чегожъ не приводить ихъ въ порядокъ и правила? отъ чего естественно долженъ родиться и самый вкусъ — Мои правила худы — поправите ихъ: вамъ отечественные охотники до театра принесутъ благодарность: а писали увѣнчающъ васъ похвалами.

Кто вамъ сказалъ, что съ чужимъ кафтаномъ у насъ все чужее? . . . Въ большемъ свѣтѣ ни мало не перемѣнилось ни врожденное древнее Россійское геройство, ни твердость души, ни наблюденіе даннаго слова ни господрѣимство. Сельскіе жители, не знаю, съ чего показались вамъ закопченными въ дыму . . . На что нашего Ивана сажать въ шалашъ сплетеный изъ Миртовъ; онъ можешъ показаться намъ пріятнымъ сидя и подъ Липою — безъ всякаго романическаго воображенія . . . Въ ошмѣшкѣ же вашей написано о солдатѣ то, что я сказалъ объ офицерѣ, слѣдовательно я и пропускаю ее. Но позвольте спросить васъ, куда дѣвали вы купцовъ,

приказныхъ, мастеровыхъ и все середнее соспояніе? Развѣ они не достойны шеатра?.. А для героевъ, вы хотите, чтобъ родился у насъ Чекслеръ... Вотъ изряднаго нашли вы опредѣлишеля вкуса, и видно вы его начиавшись заключаете вкусъ въ тесные предѣлы площадей рынковъ и кобаковъ.

Не понятно мнѣ кажется, что вы не нашли Рускому слугѣ на шеатръ другаго дѣйствія, кромѣ наглаго лганья, покражи у барина кошелька; и при всемъ шомъ вы посылаете съ покражею слугу въ кобакъ... Много сударь! кое чего найдешся говорить слугѣ даже и безъ колкости барину, и разумный сочинишель найдешь чѣмъ позабавить зрителей въ лицѣ Рускаго слуги... Конечно вашъ слуга, когда нибудь васъ обокралъ?.. Но справедливо ли вымѣщать порокъ одного на всѣхъ слугахъ? Много есть въ Россїи такихъ слугъ, кошорые спыдаются и поминать о кобакѣ... Послѣ толь частаго напоминовенія о кобакѣ, странно кажется, что вамъ

не понравились четыре женщины єв яндо-
вою, ихъ пѣсни хотя и весьма проспона-
родны; однако же гораздо благоприятнѣе
развратныхъ *двузначеній* Французкихъ Кри-
спиновъ.

Въ изгнаніи зла должно убѣгашь
средствъ худшихъ, нежели самое зло.

Сіе заключеніе испиннаго Любомудрія:
опыты доказали, что не Франція испин-
ное отечество Любомудрія. Повѣсть Фран-
цузкой словесности и причина превосход-
ныхъ успѣховъ ихъ просвѣщенія мнѣ извѣ-
стны не менѣе васъ самыхъ, Милоспивый
Государь! но прибавишь должно къ тому,
что Французы любили всегда свою соб-
ственность, и слѣдовательно своихъ обо-
дряли и не препяшевали имъ трудить-
ся въ созиданіи своего вкуса.

Похвала ваша Ишаліянской музикѣ и
охуленіе Русской сушь такіе вещи, на ко-
торыя не знаю я, чѣмъ вамъ сказать, и не
понимаю, какъ согласитъ собственныя ваши
пропивуречія . . . Вы хотише защищать
честь цѣлой Ишаліи защищая ихъ ремесло

музыкальное, говоря, что я пускаю ихъ по міру . . . О изобиліе красноречиваго пустословія! . . Сколько бы бѣдна была Ишалія, когда бы она кромѣ музыки не имѣла другихъ способовъ къ своему пропицанію — и значиша ли это перебинь хлѣбъ у Ишаліи, когда я воображаю, что ешьши обработать коренные Рускіе напѣвы, то выйдешь пріятная и усладишельная музыка? Значиша ли это, чтобъ вся Россія зависалась въ музыканты, и руки собирающія лавры украсились балалайкою, когда исколько Россіянъ будуть помышлять привести въ совершенство свою музыку? . . Россійскій народъ благодаря Всевышнему во основаніи души своей имѣетъ ко всему не посвящимую способность: онъ можетъ треметь и Марсовою трубою; и Апполоновою лирою и собирашь со всѣхъ частей наукъ и художествъ славныхъ подати, когда онъ собираешь ихъ и съ самой славы . . . это ему написано въ книгѣ судебъ — разсмотрите сами себя по прилѣжнѣе, вы увидите, чѣмъ я говорю правду.

Вы успами Ишаліянцевъ насыщаетесь
надъ Рускими напѣвами, какъ будто бы
другихъ пѣсень у насъ и не было, кромѣ
извоющичьихъ . . . Я васъ осмѣлюсь увѣриТЬ,
что Поизелло и Галуши необинуяся вездѣ
говорили, что они много нашли прѣятнаго
въ Рускихъ напѣвахъ . . . Сарти, Чимо-
роза, Траептица и многіе другіе многократ-
но слушали Рускіе напѣвы и благодаря Бога
къ удовольствію Петербургскихъ жишелей
ни кто не отдохъ.

Какъ искусно помѣстили вы волынку,
по которой пляшутъ Медведи въ Парижѣ
и Ирокойца, подъ кошорымъ видно вы хо-
тили разумѣть меня, который кричилъ,
что волынки лучше нѣтъ музыки на свѣ-
тѣ; и вѣ же время въ Унылой нашей
музыкѣ находите прѣятную мелодію . . .
Чему же должно вѣриТЬ? Но позвольте
вамъ сказать, видно вы нашу музыку зна-
ете по тому только, какъ вамъ налагали
объ ней отдохные Ишаліянцы . . . Наша
музыка имѣетъ свою унылость и свою вѣ-
селость . . . Извольше купишь собраніе

Рускихъ пѣсенъ, и попросите кого нибудь, что бы вамъ ихъ спѣли, и вы увѣришься несомненно, что наша музыка по различію обстоятельствъ имѣетъ различную и вѣрную свойственность . . . Отрицать же сладость Италіянской музыки и беспокоить архиепископу тоже самое значить, какъ жить разуму съ сердцемъ, какъ кошкъ съ собакой; отъ чего изъ милости прошу меня уволить.

Если же позволено выводить следствія изъ несомненныхъ началъ, то я осмѣливаюсь угадывать, что изъ припасовъ Русской музыки искусный сочинитель, хотя бы онъ и у Италіянцевъ научился прагматикъ согласія, безъ всякаго чуда можетъ создать языкъ сердца.

Напрасно вы утверждаете, что въ Россіи одни только гудки да балалайки; я осмѣлюсь вамъ указать такую музыку, которой нигдѣ нѣтъ, и которой весь свѣтъ музикальный удивляется; но которая изобрѣтена въ Россіи . . . Сходите на Егерскій дворъ или въ Семеновскій полкъ, вы

услышите роговую музыку, которая вамъ право понравится.

Вы признаетесь, что Россійскій языкъ богатъ и требуете ему отдельки; да объ чемъ же и я говорилъ, когда объяснялъ, здѣсь больше прилежать къ Французкому, нѣжели къ своему, и что когда Французкій спеклянныи языкъ обработанъ; а у насъ къ спыду своему пренебрегаютъ свой алмазъ. Еспѣли же вы не находите многихъ точныхъ словъ, въ томъ не моя вина. Когда обнародываются указы, а вы не знаете, какъ назвать Публику: ходите по каменнымъ закраинамъ улицъ: имѣете дары или дарованія, а спрашиваете, что такое шаланшъ: имѣете умъ; а ищете, что значить Genie (*), исповѣдуете христіянскую вѣру, а спрашиваете, что такое реллигія.

Въ прочемъ, какъ бы ни было выгранено стекло, и сколько бы оно ни казалось

(*) Въ Собеседникѣ напечатанъ опытъ Россійскаго сословника.

бриллянтомъ, я всегда предпочту алмазъ, хотя бы онъ былъ и въ корѣ.

Вопросъ вашъ, за чѣмъ хотѣть въ Россіи чудесъ, мнѣ весьма удивителенъ. Просмотрите Исторію нынѣшняго сполѣшія, вы сами признаете, что какъ первая шакъ и другая половина онаго составлены изъ чудесъ . . . А что бы умѣть въ Россій по Руски, это развѣ въ вашемъ разумѣ чудомъ почишаешься; а особенно когда Россійская академія подъ сѣнью Великія Матери Севера трудится въ определеніи языку точности и силы и шрудишся съ желающимъ успѣхомъ.

Напрасно вамъ кажется, что послѣ Ломоносова Россійская словесность лѣниво шествуетъ или шакъ сказать уснула: не одно лирическое стихотвореніе составляє словесности . . . *Россіяды* честь Россійского Парнасса, *душинька* цвѣтокъ самый прекрасный стихотворства послѣ Ломоносова вышли въ свѣтъ. Дай Богъ намъ другаго Ломоносова, чѣмъ больше ихъ, шѣмъ лучше; но кто желаетъ своего

совершенства, то ѿ не опнимаешь спра-
ведливости у чужеспранцевъ, кои хотя и
были нашими учительями во многомъ. Но
развѣ ученикъ не можетъ превзойти свое-
го учителя? — Самъ Ломоносовъ подтверж-
ждаетъ сїе нетрудное положеніе . . Боже
меня и васъ избави, отъ того, чтобъ ино-
странные образовали наши мысли.

Вы приводите иѣсколько словъ Русскихъ,
кои въ выговорѣ жестки; да они и знаме-
нованіе имѣюшъ жесткое: на примѣрѣ, что
жестче ощущенія? Вы приводите еще
слова Французовъ, кои осмѣливаются гово-
ришь, что въ нашемъ золотѣ и серебрѣ
больше звону, иѣжеи въ словахъ. Не до-
вольно шого, что сїи пїавицы грабятъ
насъ своими модами, еще въ глаза намъ
дерзающъ ругаться . . . Они ли въ со-
стояніи почувствовашь пріятнoscть наше-
го языка, котораго ни кто изъ Францу-
зовъ совершенно не знаешъ; для чего же
они не давящеи или не свихивающъ языка
отъ прекрасныхъ своихъ стиховъ?

Trame - t² - on contre Rome un nouvel
attentat

O ciel! dont en trambant

Я бы вамъ наскучилъ, есълибъ сталь
набирашъ еще спиховъ нѣсколько, ошъ зво-
на которыхъ не даромъ бы мы бѣгали, какъ
ошъ язвы — вы же какъ будто подверж-
даеше ругашельство Французовъ надъ са-
мимъ собою въ языкѣ нашемъ; и есъли
необходимо нужно, чтобъ о красопѣ наше-
го языка утверждалъ Французъ, то вы
можете найти сїе въ *Лесекѣ*, который
Рускій языкѣ сполько зналъ, сколько мо-
жно знать его Французу; и вѣроятно, что
въ семъ случаѣ не льзя ни какъ обличить
его приспрашиваемъ.

Дѣлая замѣчанія на мои разсужденія,
вы заблагоразсудили о всѣхъ дѣйствовате-
ляхъ (*) Россійскихъ опознаться гораздо

(*) Дѣйствователь *Acteur*: вошъ почему иа-
званиѣ шакъ по Руски — *Ago* Латинское
дѣлаю или дѣйствую — *Actio* дѣйствіе,
Actor дѣйствователь или дѣй по Фран-
цузки *Acteur*.

не выгодно: вы именно говорите, что
шешаръ упалъ вмѣстѣ со словесносію:
а прежде сказали, что словесность упала
отъ того, что Ломоносовъ умеръ . . .
Прошу сказать, когда Ломоносовы творе-
нія были играны на шешарѣ? Пропиву
вашего жестокаго опредѣленія всѣмъ дѣй-
ствовавшемъ посредственности пропиву
положашъ они лѣсный для нихъ прѣмъ
Двора, общее рукоплесканіе зришель, и
что госпожи Сажъ и Гюсъ примѣчаемы были
плачущими въ Россійскихъ трагедіяхъ послѣ
ославленія театра Дмишревскимъ и по
смерти славной Троспольской. Вонъ, Ми-
лоспивый Государь! до чего ваше предраз-
суденіе проспираешся! что вы неиначе
согласились отдать справедливость даро-
ваніямъ Г. Дмишревскаго, какъ называвъ его
Гарриковымъ ученикомъ . . Онъ еще живъ
и онъ самъ увѣришъ васъ, что онъ у Гар-
рика никогда не учился . . Но съ пред-
разсудкомъ шруднѣе борошься, нѣжели съ
непріятелями, какъ же вы хопите, чтобъ
удовольствіе ошъ Рускихъ дарованій побѣ-

лило прелразсуждение, которое отнимаетъ
у нихъ бодрость.

Вы ни гдѣ въ моемъ разсужденїи не на-
шли, чѣпо не надобно намъ учиться — я
вездѣ говорилъ, что для созданія собствен-
наго вкуса много требуетъ опыта, ис-
кусства, трудовъ, и сказалъ: не знаю, ко-
гда наступитъ время, чѣпо вкусъ полу-
чить свое существованіе и блестящее
торжество.

Вы утверждаете, чѣпо нашъ театръ со-
ставленъ изъ дурныхъ переводовъ или изъ
посредственныхъ подражаній: прочтишь,
Государь мой! полный театръ Россійскихъ
сочиненій, который спараніемъ Академіи
Наукъ Дирекцора собранъ и напечатанъ,
шамъ нѣшъ ни чего переводного, и кото-
рый сдавали вы въ годъ прошедшемъ, чиша
всякій день часа по два.

Клесвеша говоритъ языкомъ яхиднымъ . .
подлинно чѣпо ехиднымъ языкомъ — Ан-
тигона первый опытъ начинаящаго тру-
диться въ семъ родѣ писателя — прочти-
ше первыя трагедіи Расиновы со внима-

ниемъ, вы увидите, что до самой Андромахи сумневались о Расинѣ, будеши ли онъ когда нибудь Расиномъ — впрочемъ Россійскій парижъ никогда не бывашъ меныше наполненъ, нѣжели Французкій, площадь шолько передъ шеатрами больше цугами обспавлена во время Французкихъ — а парами больше во время Рускихъ; зреюща причина же тому довольно въ москвѣ разсужденіи о шеатрѣ доказана.

Вы соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ во многомъ, сами говорите, что это многое похоже на не окончанное изваяніе немогущее сравниться съ *Венерою Медицисъ*: спало оспалось только шрудившися въ окончаніи сего изваянія, и въ тоже самое время принуждаше меня признаться, что народъ Россійскій не имѣетъ ни постояннаго вкуса ни правилъ.

Прекрасная любовь къ соотечественникамъ, искашь единыхъ въ нихъ недоспашковъ и сираясь ихъ увеличивать; а совершенства умаляшь или и совсѣмъ ихъ не видашь! Не ужъли вы ничего не нашли

въ Россіи кромъ славы оружія... Не оружіе: но сердца — души и добродѣтель Россійскіе славны. Тѣми же оружіями владѣюшъ и другіе народы; но не шѣми руками.

Теперь позвольте вѣ спросить, что вы писали въ своей крипикѣ? — Вы не опорочили моего разсужденія ни гдѣ и ни чего въ немъ не поправили; а только силились увѣритъ меня, что Россійскія словесности худы, что вкуса у насъ быть не можешьъ, что языкъ нашъ не хороши, и что Французкій лучше, что музыка наша способна только оглушишъ Италіянцовъ и сшеченіе согласныхъ въ нашемъ языкѣ способно только удавишь или свихнешь языкъ у Французовъ Не предразсужденіе ли это! и не постыдное ли предразсужденіе!

И шакъ непрогнѣвайтесь, что я продолжашъ буду о театрѣ мои разсужденія по шѣхъ порѣ, пока справедливое и безпристрастное сужденіе откроется мнѣ погрѣшности моихъ мнѣній и шѣмъ ихъ испра-

вимъ: а я признаюсь въ оныхъ, никогда за
стыдъ не поспавляю . . .

покорный вашъ слуга

Охотникъ до театра.

Похвальная Речь

*въ память моему дѣлушки,
говоренная сво другомъ, въ присущиви
ево пріятелей за чашею пуншу.*

Любезные слушатели!

Въ сей день проходишъ точно годъ, какъ
собаки всево свѣща лишились лучшаго свое-
го друга; а здѣшній округъ разумнѣйшаго
помѣщика: годъ тому назадъ, въ сей точно
день съ неуспрашимосшю гонясь за зайцемъ,
свернулся онъ въ ровъ и раздѣлилъ смерш-
ную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо
по брански. Судьба уважая взаимную ихъ
привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ
одинъ пережилъ другова; а міръ между тѣмъ
потерялъ лучшаго дворянина и спаснѣй-
шую лошадь. О комъ изъ нихъ болѣе долж-
но намъ сожалѣть? Ково болѣе восхвалить?

Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ; оба были равно полезны обществу; оба вели равную жизнь, и наконецъ, умерли одинаково славною смертью.

Совсѣмъ пѣмъ дружество мое къ покойнику склоняєтъ меня на ево сторону, и обязываетъ прославить память ево; ибо хотя многие говорятъ, что сердце ево было, такъ сказать, стойломъ ево гнѣдой лошади; но я могу похвались, что послѣ нее, покойникъ любилъ меня болѣе всево на свѣтѣ. Но хотя бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства ево не заслуживающи похвалы, и не должно ли возвеличишь память ево, какъ память дворянина, которої служилъ примѣромъ всему нашему окольному дворянству.

Не думайще любезные слушашели, чтобъ я высказывалъ ево примѣромъ въ одной охотѣ, нѣпѣ; ето было одно изъ послѣднихъ ево дарованій; кроме сево имѣлъ онъ тысячу другихъ приличныхъ и необходимыхъ нашему брату дворянину: онъ показалъ намъ какъ должно проживашь въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ выра-

бопшають въ годъ; онъ знамѣнитые подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два при съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайший посипъ, и такимъ искусствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятнья нечаянноши. Такъ, Государи мои! часишо бывало, когда прѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то видя всѣхъ крестьянъ ево блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за ево споломъ голодною смертью; глядя на всякова изъ нихъ заключали мы, что на спо верстъ во кругъ ево деревень, нѣшь ни корки хлѣба, ни чахлной курицы; но какое пріятное удивленіе! садясь за сполъ находили мы богатство, которое казалось шамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ ево владѣніяхъ; искусѣйшее изъ насъ не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ; и мы принуждены были думашь, что онъ изъ ничего созидалъ великолѣпныя свои пиры. Но я не примѣчаю, что возпоргъ мой ошвлекаетъ меня опѣ порядку которой я себѣ назначилъ; обратимся же къ началу жизни нашего героя; симъ средствомъ не попряемъ мы ни одной черпты изъ ево по-

хвальныхъ дѣлъ, коимъ многіе изъ васъ любезные слушашели подражающъ съ вели-
кимъ успѣхомъ; начнемъ ево происхожде-
ніемъ.

Сколько ни бредяще филозофы, что по-
родословной всево свѣща, мы братья, и
сколько ни твердяще, что всѣ мы дѣти
одного адама; но благородной человѣкѣ
долженъ стыдиться такої филозофи; и
еспѣли уже необходимо надобно, чтобъ
наши слуги происходили отъ Адама; то
мы лучше согласимся признать нашимъ
праотцомъ осла, нежели бышь равнаго съ
ними происхожденія. Ни что споль человѣка не возвышающъ, какъ благородное про-
исхожденіе: ето первое ево достоинство.
Пускъ кричатъ ученые, что величина и
нищетъ имѣющъ подобное тѣло, душу, спра-
спи, слабости и добродѣтели. Еспѣли
ето правда, то ето не вина благородныхъ
но вина природы, что она производитъ
ихъ на свѣтъ такъ же какъ и подлѣйшихъ
просплюдимовъ, и что ни какими выго-
дами не отличаетъ нашего брата дворя-
нина: ето знакъ ее лѣносипи и нераченія.
Такъ, Государи мои! и еспѣли бы еша при-
рода была существо, то бы ей очень было
стыдно, что тогда, какъ самому послѣд-
нему червяку удѣляетъ она выгоды свой-
ственныя ево состоянію; когда самое мѣл-

кое несъкое получаєшъ отъ нее свой
цвѣтъ и свои способности; когда смотря
на всѣхъ живошныхъ кажется намъ, что
она неизчерпаема въ разновидности и въ
изобрѣтеніи; тогда, къ спыду ее и къ се-
жалѣнію нашему, не выдумала она ничего,
чѣмъ бы отличился нашъ братъ отъ му-
жика, и не прибавила намъ ни одного паль-
ца въ знакъ нашего превосходства передъ
крестьяниномъ. Не ужли же она болѣе пе-
чется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И
мы должны привѣшивать шпагу съ кото-
рою бы казалось надлежало намъ родиться.
Но какъ бы то ни было, благодаря нашей
догадкѣ, мы нашли средство поправлять
ее недоспаки; и избавились отъ опасно-
сти быть признанными заживошныхъ од-
ново роду съ крестьянами.

Имѣть предка разумнаго добродѣтельна-
го и принесшаго пользу отечеству, вошь
что дѣлаешь дворянина, вошь что оши-
чаешь сво отъ черни, и отъ простаго на-
рода, кошораго предки небыли ни разумны
ни добродѣельны и неприносили пользы
отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ
сей предокъ, тѣмъ блесташельнѣе наше
благородство; а симъ шо и отличается
герой, кошорому дерзаю я соплешать до-
стойныя похвалы; ибо болѣе трехъ сопѣ-
льшъ прошло, какъ въ родѣ ево появился

добродѣшельной и разумной человѣкѣ, ко-
торой надѣлалъ столь много прекрасныхъ
дѣлъ, что въ поколѣніи своє не были уже
болѣе нужны такія явленія, и оно до нынѣшняго
времени пробавлялось безъ умныхъ
и добродѣшельныхъ людей, не теряя ни
мало своего доспоянства. Наконецъ появ-
ился нашъ герой Звениголовъ; онъ еще
не зналъ что онъ такое, но уже благород-
ная сво душа чувствовала выгоды свое
рожденія; и онъ на виоромъ году началъ
царапать глаза и кусашь уши своей кор-
милицѣ. Въ спомъ ребенокъ будешъ пушъ
сказалъ нѣкогда восхищаясь сво отсѣ: онъ
еще не знаетъ шолкомъ приказашъ, но
учиша уже наказывать: можно ошгадашъ,
что онъ благородной крови. И старикъ
сей часто плакалъ отъ радости, когда ви-
дѣлъ, съ какою благородною осанкою от-
родъсъ сво щипало свою кормилицу, или
слугъ; не проходило ни одново дня, что
бы маленькой нашъ герой ково нибудь не
оцѣрапалъ.) На пяномъ еще году свое
возрастъ примѣшилъ онъ, что окруженъ шакою
шолпою, которую можешъ перекусашъ, и
нерѣцарапашъ, когда ему будешъ угодно.

Премудрый сво родишель тощасъ сме-
кнулъ, что сыну сво нуженъ товарищъ,
хотя и много было въ околошкѣ бѣдныхъ
дворянъ; но онъ нехочѣлъ себя унизить

ло тово, чтобъ сво елиородный сынъ раздѣлъ съ ними время; а холопскаго сына дашь ему въ товарищи казалось еще несноснѣе. Иной бы не зналъ, что дѣланъ, но родишаель нашего героя тощасъ помогъ шакому горю, и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собачку. Вотъ можетъ быть первая причина отъ чего герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ, нежели людей и съ первыми провождалъ время веселье, нежели съ послѣдними. Звѣниголовъ привыкшій повелѣвать принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первыхъ часахъ въ цѣпился ему въ уши; но задорка, шакъ звалъ маленькую собачку, доказала ему какъ вредно иногда шушишь надѣясь съ слишкомъ многою на свою силу: она укусила сво заруку докрови. Герой нашъ осшибенѣль увидя въ первой разъ такой суровой опѣвшъ на обыкновенные свои обхожденія: Ешо былъ первой щипокъ, за которой сво наказали. Сколь сердце въ немъ ни кипѣло, совсѣмъ шѣмъ боялся отвѣдать сразиши съ задоркою, и бросился къ ошцу своему жадовавшися на смертельную обиду причиненную ему новымъ сво товарищемъ „Другъ мой!“ сказалъ безпримѣрной сво родишаель, развѣ мало въ кругъ шебя холопей, ково тебѣ щинашь. На чио было прогать шобъ за-

дорку. Собака вѣдь не слуга : съ нею надо по осторожнѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа : ее нельзя унять и принудишь терпѣть не разъвав рта, какъ разумную тварь.

Такое наставлѣніе сильно тронуло сердце молодаго героя, и не выходило у него изъ памяти. Возрастная часто занимался онъ глубокими разсужденіями къ коимъ подавало оно ему поводъ; изыскивалъ способы бить домашнихъ своихъ животныхъ неподвергаясь опасности, и сдѣлашь ихъ спольже безмолвными, какъ своихъ крестьянъ, покрайней мѣрѣ искалъ причинъ ошѣчево первые имѣющы дерзости болѣе огрызаться, не жели послѣдніе, и заключилъ что свое крестьяна ниже ево дворовыхъ животныхъ.

Чадолюбивой отецъ примѣтъ что дитя свое начинаетъ лумань, заключилъ, что время начать ево воспитаніе, и самъ посадилъ ево за грамоту. Въ пять мѣсяцовъ ученикъ сдѣлся силенъ учителя и съ нимъ въ запуски складывалъ гражданскую печать. Такіе усіхъ успрашили ево родищеля. Онъ боялся, что бы сынъ ево не выучися бѣгло читать по шолкамъ, и не вздумалъ бы сдѣлаться когда нибудь Академикомъ, а потому по послѣднею страницею букваря кончилъ свой курсъ словесныхъ наукъ. Ешай грамоши для шебя полно го-

ворилъ онъ ему, спыдясь знать болѣе: ты у меня будешь баринъ знатной, шакъ не приспойно тебѣ читать книги.

Герой нашъ пользовался шакимъ прекраснымъ разсужденіемъ, и привыкъ всѣ кни-ти любить какъ моровую язву, Ни одна книга не имѣла до него доступа, я не вклю-чаю тутъ разсужденія Русо о вредности наукъ; вотъ одно изврение, которое си-скало ево благосклонность, по своей при-влекательной надписи, правда онъ и ево не читалъ, но никогда не спускалъ съ своего камина. „Прочти только ешо, говоривалъ онъ, когда кшо вздумашъ хвалишь передъ-нимъ науки, прочши ешо; и ты будешь каяться что въ тебѣ болѣе ума нежели въ моей гнѣдой лошади. О Руссо великой человѣкъ, продолжалъ онъ, и послѣ ешова принимался съ подобострастіемъ считать лисцы въ сво сочиненіи; ешо было вели-чайшее ево снисхожденіе къ учености, ко-торое оказывалъ онъ только одному сочи-нишлю новой Елоизы.

Время наконецъ наступило записывать ево въ службу, и рѣдкой родищель ево от-пуская, далъ сыну своему послѣднее на-ставленіе „Помни, любезной сынъ, гово-рилъ онъ ему, что у тебя двѣ тысячи душъ; помни, чшо ты спаринной дворя-нинъ, и остался одинъ въ своемъ родѣ; и

такъ береги себя; не подражай бѣднымъ людямъ, которые не имъя куска хлѣба принуждены на службу пратишь сдоровье. Служи такъ, чѣмъ бы небыть разжаловану а о доспальномъ не пѣкись. Пусь бѣдные ищущъ чиновъ; а нашу братию боташыхъ чины сами должны искать; будь только порядочнаго поеденія: шо ешь; не выходи изъ передней знатныхъ: болѣе всево берегись досадишь женщинъ, сколь бы никакого состоянія она шебѣ ни казалась: наружное состояніе женщины бываешь сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколь ни кажешся слабо и презрѣнно, но часто корень ево глубоко подъ землею сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавишь шебя своею тяжестю: короче, вошь шебѣ въ двухъ словахъ мос завѣщаніе; я не требую, чѣмъ бы ины возвращился заслуженнымъ но чиновнымъ, и послѣ сего наградилъ онъ своимъ родительскимъ благословеніемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дни послѣ своего отѣзду кончилъ свою знаменитую жизнь.

Сколь ни жаденъ былъ нашъ герой пользуясь насшавленіями, совсѣмъ шѣмъ благородная ево душа не охопно приняла єї послѣднія; или лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, шо ешь: послѣдня ощицу своему не хощѣлъ онъ служиши но не-

хонъль шакъ же соспарѣшься въ персднихъ; эти два правила поссорили ево съ двумя сбо дядюшками со службою и сдѣлали филозофомъ: суешы большева свѣща скоро ему наскучили: онъ видѣлъ, что куда сиѣни приходилъ, то или онъ зѣвалъ, или надѣ нимъ зѣвали; и взялъ мѣрлюбивое намѣреніе разспашся со свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, исподражаемая скромность; сіи два любезныхъ качества видны въ немъ были съ самаго прѣзду сво въ сполицу. Честолюбивой на сво мѣстѣ имѣя споль знанную родню, какъ онъ, не описалъ бы отъ большихъ обществъ. И искалъ бы вѣзду въ первыя domы; но ге рой нашъ просиживалъ цѣлые ночи въ тракширахъ. Онъ убѣгалъ пышности, и ча сто подѣ вечерокъ изъ полпы завидли выхъ игроковъ возвращался домой смирен но безъ кафшана. Онъ не былъ злонамя щенъ, и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ на канунѣ били ево за ужиномъ! шер пѣливъ былъ докрайносши: я самъ, Госуда ри мои, былъ свидѣтелемъ съ какою умилъ ною крошостю принималъ онъ побои отъ сбоихъ прѣятелей, и послѣ съ ними вмѣ стѣ запивалъ свое горѣ. Иной бы честолюбивый, на сво мѣстѣ, повторяю я, былъ соблазненъ примѣрами большаго свѣща и

увлеченъ ево суспами; но онъ равнодушно слушалъ вѣсти, что шакой по ево свершникъ пожалованъ; что тому дано мѣсто, другому награждено; всѣмъ этимъ не тронута была великая ево душа и онъ зѣвя споически слушалъ шакіе новости. „Можетъ быти половину ешихъ чиновниковъ мнѣ же кормиши доспѣнется, говаривалъ онъ, полно и шово, что у меня есть двѣ тысячи душъ: ето такой чинъ съ кошорымъ въ моемъ околошкѣ вездѣ далутъ мнѣ первое мѣсто. Все суспа суспы, такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденіи, и послѣ шово оспаваясь кругомъ дюжиною бушылокъ портфель садился мѣшать банкъ.

Посему можеше вы заключить, Милости-
вые Государи, что общеспва ево были хо-
тя испытанные, но весьма веселые; правда замѣшивались иногда въ нихъ люди чинов-
ные; но обыкновенно первые деѣ дюжинъ бушылокъ возставляли во всей бѣседѣ со-
вершеннос равенство и дружество; но ето
небыло скучное дружество заведенное лѣтъ на пять; нѣшъ, ето было вольное и благо-
родное дружество, такое, что часто не
конча еще взаимныхъ о немъ увѣреній вѣ-
плялись другъ другу въ виски; но безъ вся-
кой злобы, и нерѣдко для одного препро-
вожденія времени.

Вотъ, Государи мои, образъ городской
ево жизни: онъ не гоняясь за щасиемъ ис-
калъ однихъ удовольствий; онъ не ъездила
по эшкету зѣвать въ большія дому; но
любя вольность, часто въ своихъ дружес-
кихъ беседахъ засыпалъ подъ столомъ;
онъ не занимался шѣмъ, чтобъ когда нибудь
привлечь на себя вниманіе всево свѣта, ему
довольно было и то, что имя сво знали
наизусть во всѣхъ тракширахъ и кофей-
ныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался
быть политикомъ, но не для того, чтобъ
недоспавало ему ума; чѣмъ, Государи мои,
онъ былъ-ѣвъ слишкомъ уменъ, и ясрѣдко
даже былъ за ешо бишъ отъ своихъ прия-
щелей за каршами, гдѣ болѣе всего щего-
лялъ онъ осироуміемъ. Но какъ умъ го-
нимъ въ цѣломъ свѣтѣ, что очень скоро на-
скучилъ онъ быть умнымъ, и началъ играшь
въ каршы съ Филозофскою простишою и
съ благородною довѣренносію: друзья сво-
вмѣсто того, что бы удивляясь симъ
любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очи-
чили все ево имѣніе и ошавили нашего
Филозофа полунагимъ, не смотря на то,
что съверной климатъ совсѣмъ не удобенъ
къ цинической Филозофіи.

Всякой бы другой изнемогъ духомъ въ
такихъ стесненныхъ обстоятельствахъ;
всякой бы пришелъ въ отчаяніе; но онъ

непоколебался никако, и сидя дома съ крайнимъ умиленіемъ сердца ожидалъ, какъ замолавцы поведутъ сво въ тюрьму. Какъ Юлій не бѣжалъ онъ отъ своего нещастія и даже не выходилъ изъ дома; хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и шуфляхъ не нарушая городской благоприятности. Онъ не искалъ даже помочь своему нещастію „Что будешь что будешь, говорилъ онъ зѣвая неустранимо. И судьба наградила ево къ ней довѣренность. Тогда какъ казалось, что онъ оставленъ отъ всего свѣта; когда всѣ ворота были для него заперты выключая ворота городской тюрьмы; когда въ кухнѣ ево какъ въ Римѣ не осталось ни тѣни древней славы; и чѣмъ все это бѣдственнѣе, когда послѣднюю бушевлю портеру, у него разбила испоспѣвшаяся кошка, искаравъ съ такимъ же усердіемъ чорствой корки, съ какимъ Колумбъ искалъ новой земли; когда, говорю я, всѣ сїи нещастіи собрались вокругъ него; тогда родной его дядя, славный свою экономіею, которую храня 20 лѣтъ уже онъ не уничтожалъ, задумалъ наконецъ и не обѣдашь, ославя въ наслѣдство герою нашему, пять тысячъ душъ и спо тысячу денегъ.

Можетъ быть подумаете вы, что ешо сдѣлало ево надменнымъ; ни мало: въ тошъ

же день пошелъ онъ къ знакомому винному погребщику, напился съ нимъ вмѣстѣ и очень смиренно провелъ унсво ночь на голомъ кирпичномъ полу.

Но уже спрасши въ немъ начали угасать, и онъ пользуясь прошедшими своими нещастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ кошѣй маспи искать щастія; получилъ чинъ, пошелъ въ опшавку, и намѣрился удалиться въ свои деревни, дабы украсить собою нашъ уѣздъ; имѣ же къ шумиымъ прощаньямъ отвращеніе уѣхалъ изъ города неувѣдомя ни одново своею заимодавца. Можешь бысть поскромностии свои нравился ему шакъ же Французской обычай уходишь непроспясь; ибо свидѣтельствующій доспопѣрнѣйшіе маркеры, что когда шолько могъ уходилъ онъ по Француски изъ шракшировъ, сколь ни убѣдительно они ему за то пѣняли.

Наконецъ удалился онъ опѣ городскова, шуму, и вспутилъ въ новое поприще для испытанія своихъ дарованій, и вы Государи мои, сами были свидѣтели, какъ сильно умѣлъ онъ ими блисташь.

Едва появился онъ здѣсь, какъ объявилъ открышую войну зайцамъ, и набралъ многочисленную армію псовъ, наблюдая пользу посѣлянъ, хощѣлъ онъ испотребиши весь заячій родъ, и сдержалъ свое слово. Прав-

да многіе изъ строптивыхъ сво крестьянъ кричали, что они бы лучше хошѣли кормить зайцовъ, нежели безчисленное множество псовъ и тунъядливую шайку охопниковъ; что имъ милѣе было въ хлѣбъ свое въстрѣчить зайца, нежели полсотни лошадей и въ двое болѣе тово собакъ; но герой нашъ, умѣя къ спаѣ и къ мѣсту пересѣчь сихъ разказчиковъ, укрошилъ ихъ роптанія. И продолжалъ не примиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннibalъ къ Римлянамъ. А чтобы вѣрнѣе ихъ выжинуть вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ нечѣмъ было засѣвать поля. Съ какимъ внутреннимъ удовольствиемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда на поля, и находилъ ихъ шакъ чистыми, какъ скатерть, не предвожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заецъ. Въ три года обрилъ онъ шакъ число свои земли, что неуспрашимѣйше зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти скажи, спрашивалъ у невоѣкшо, не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сыныхъ зайцовъ, нежели пять тысячъ голодныхъ крестьянъ, и не смѣшенъ ли пошъ, кто зажметъ свой домъ, желая выжить изъ него шаракановъ? молчи только ошвѣчалъ нашъ герой; я самъ знаю что моимъ крестьянамъ ъсть нѣчево; но

еще лѣтъ пять, и зайцы позабудутъ мои земли; они будуть бѣгать ихъ, какъ песчаной спины. А тушь то я и обману весь миръ родъ пруслиныхъ грабителей, восстановя прежній порядокъ и изобиліе.

Какой рѣдкой умъ, Милосердные Государи! имѣлъ ли кіо, когда нибудь, такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпной Римъ чтобы истребить небольшую кучку христіянъ. Юлій побилъ множества согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея, Александръ прошелъ съ мѣчомъ чрезъ многіе государства, побилъ и разорилъ тысячи народовъ, кажеся для того чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ Океана и послѣ пощадлять спимъ дома; но всѣ эти намѣреніи и шруды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя. Тѣ морили людей дабы пріобрѣсти славу; а онъ морилъ ихъ для шоу, чтобы истребить зайцевъ; но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершиТЬ ему своего намѣранія; подобно, какъ множеству другихъ героевъ, которые захватя себѣ дѣль тысячи на двѣ лѣты, умирали на первомъ или на второмъ году своего предпріятія.

Вотъ, Государи мои, подвиги героя, которые — но чио я вижу! любезные мои слушатели заснули соумиленіемъ, почтен-

ные головы ихъ лежатъ какъ прекрасные
бухарскіе дыни во кругъ пуншевой чаши.
Торжеспвуй, нокойной мой другъ! твои
друзья, любя шебя, наслѣдовали твои нравы.
Такъ шично нѣкогда засыпалъ ты на сво-
ихъ веселыхъ вечеринкахъ. Съ половину
окунутымъ въ ендову носомъ. Увернись
еспѣли можешь на одну минуту отъ Плу-
тона, взгляни изъ подпола на твоихъ друз-
ей; пошомъ, разскажи торжественно ад-
скимъ жителямъ какое пріятное дѣйствіе
произвела похвала твоей памяти; и пусть
иокоятся на тебя завидливые наши писа-
тели, кошорые думаюшъ, что они одни
выправили отъ Апполона привилегію усы-
плять здѣшній сѣшъ своими твореніями.

З Р И Т Е Л Ь

ежемѣсячное изданіе

1792 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.
съ типографіи И. Крылова съ товарищи.

ДАЭТИЧЕ

ЗАКЛЕЧИ ЗОНИХОДМОЖ

ОДОБРЕНИЕ.

Напечаташъ позволено отъ Управы благочинія
Октября 19 дня 1792 года. Коллежскій Совѣтникъ
и оправляющій должность Сankшпетербургскаго
Полицеймейстера

Андрей Жандъ.

Мѣсяцъ Октябрь.

Чтение съ окошъ альбомъ

— бордъ —

— каша изъ яблокъ и ягодъ

— пирогъ изъ яблокъ и ягодъ

Совѣтъ Клодъ

— каша изъ яблокъ и ягодъ

Собственный древностію лѣшъ,

На легкой, бѣглой колѣсницѣ,

Съ кровавою косой въ десницѣ,

Ужасенъ, блѣденъ, тощъ и сѣдъ

Брадой густою пошрясаешь:

Паришъ — и все шо пожираешь,

Что было, есть и будеъ впередъ —

Его полешъ быстрей чесъ рѣки;

Какъ мигъ за нимъ капяшися вѣки;

Воззришъ — что встрѣтишъ, шо ссычетъ.

Изчезнешъ пышность, знапно племя,

Всъ будушъ пищею червямъ;

Когдажъ сей тигръ кровавый, Время,

Въ удѣлъ мгновенье дало намъ:

Должныль мечтой мы занимашся,

Не жиши, спрадать, скорбѣши, терзашися,

И ложныхъ почестей искаши?

Часть III.

E

Чтобъ пасть мгновенией, возвышаешься?
 Тамъ ползашь, шамо презирашь?
 На цыпочкахъ у баръ веришься,
 Иль близъ чужихъ кармановъ грѣшишь?
 Или, чтобъ случай дать зѣвнушь,
 Бѣ лугу себя предъ гордымъ гнушишь?

Послушай нѣжна, мила Клоя:

Чины, богатства, звукъ пустой;
 Среди богатства нѣтъ покоя,
 Чиновной часпо самъ не свой;
 Мулрецъ зарывшишь въ важны книги,
 Скучаешъ чпо надѣлъ вериги;
 Что глобусъ онъ въ рукахъ вершишъ
 И съ Юга къ Сѣверу паришъ —
 Похвально, милой другъ, ученье;
 Но наше благо — наслажденье!

Когда бъ я зналъ, что жизни вѣкъ
 Мы можемъ спинами помножиши;
 Не спалъ бы я себя перевожиши,
 И наслажденій былъ далекъ;
 Сперва бъ хощѣлъ постигнуть знанья,
 Свои бъ усилилъ дараванья,
 И грубую кору съ нихъ снялъ;
 Какъ бы мешалъ огнемъ очистилъ,

По здравей, по свѣжее мыслилъ,
По томъ бы жиць уже я спѣль.

Но если по ушру я мыслю
Съ тобой день цѣлой просидѣть,
И чуць дары твои изчислю,
Какъ ночью долженъ умереть:
Не глуполь свѣшомъ занимашся,
Какъ угорѣлому бросаешься,
Чево хощешь, шово не знать?
На чпо пишашь мысль ложну, лесину,
Чтобъ въ свѣшъ знашномъ бышь извѣстнѣ?
Великимъ — горе умирашь!

Миѣ настоящее пріятно,
Упѣхъ я тратитъ не хочу;
Природѣ долженъ — я плачу —
Намъ въ мірѣ много не понято:
Но знаю шо, что тѣло прахъ;
Что шо сказать лишь можемъ смѣло,
Что наслажденье наше дѣло —
И что безъ нихъ мы въ дуракахъ.

Сиѣдаемъ иногда тоскою,
На единѣ я вздохну:
Но ободрясь, рукой махну,
Что мыслью занялся пустою —

Жизнь только нужно подсласить,
Чтобъ горькой не могла казаться:
Подъ часъ умѣренно испить;
Подъ часъ, чтобъ долго не проспаться —
И будешь щасиѣмъ наслаждаться —
Подъ часъ за *Лизой* примахнушъ,
Пожать ей руку, вздохнушъ;
Подъ часъ — въ ея конечно волѣ,
Подъ часъ поцѣловать — и болѣ.

Когда я былъ въ шеснадцать лѣтъ,
Чины и блескъ меня прельщали,
Пустой мечтой обвражали,
Безъ нихъ, казалось, щасиѣя нѣшъ —
Но двадцать девять наступило:
Смѣшино что снжало, что мнѣ лѣспило.
Я вижу значущихъ людей,
Шесперки хвашихъ лошадей,
Богаты, пышны екипажи,
Всево, что въ свѣтѣ есть, продажи;
Но холодно на все гляжу
Доволенъ, что пѣшкомъ хожу.

Но еспѣли *Дуня* дарагая
Даспѣ знакъ мнѣ парой чорныхъ глазъ,
И руку мнѣ пожметъ подъ часъ,

Чтобъ я присмотры презирая
 Вечерней тихою зарей
 Пришолъ побалагурить съ ней до конца
 И кое въ чемъ ее наставилъ:
 Лечу — и грязь и дождь и снѣгъ
 Не остановятъ быстрой бѣгъ;
 А естьли все, что могъ, исправилъ,
 И нѣжну *Дуню* позабавилъ,
 Тогда радъ все забыть, презрѣть,
 На нѣжной груди умереть.

Два, другъ мой, въ свѣтѣ преступленья:
 Одно, чтобъ бѣгать наслажденья;
 Другое, чтобъ скучать, грустить —
 Послушай: научись любить
 И жизнь пріятно будешь бремя —
 Кто безъ любви свой вѣкъ живіонъ,
 Мученьемъ дѣлаетъ тошь время,
 Живымъ спокрашно въ жизни мріотъ!

Я часпо, *Клоя*, сожалѣю,
 Потпо шести я лѣтъ не зналъ
 Тово, что въ двадцать ужъ вкушалъ;
 Что въ двадцать девять разумѣю.
 Проживъ послѣка я бѣ пѣрдилъ:
Мафусайлъ несполько жилъ.

Не годы намъ даютъ блаженство,
 Одно искусство въ свѣтѣ жить;
 Вкушай ты щастья совершенство,
 Но только не умѣй любишь:
 Всѣ игры, радости, забавы,
 Для сердца горесть и отправы —

Но если тихимъ вечеркомъ
 Въ объятіяхъ сидишь съ дружкомъ;
 Что любишь нѣжно, увѣряешь,
 И въ мигъ награду получаешь;
 Тогда нѣшь въ свѣтѣ ничево
 Опричь драгова твоево —
 И буде къ груди прикоснешся
 Онъ нѣжной, бѣлою рукой,
 Хоть скажешь ты ему: *постой!*
 Твое сердечко вспрепенется
 И поцѣлуй возжешь огонь —
 Тогда не молвишь ужъ: — *не тронь!*

Но ты, — нѣшь ты чрезъ чуръ сурова,
 Хоть сердце нѣжно у шея.
 Ахъ, *Клоя!* пожалѣй себя —
 Повѣрь мнѣ, болѣ въ томъ худова,
 Что бы не чувствовашь любви.
 Опомнись! двадцать пролѣти,

Хладѣшъ уже жаръ въ крови;
 А мы, — что сдѣлашь мы успѣли?
 Повѣрь: кто можетъ, но упрямъ,
 Тотъ самъ виной своимъ бѣдамъ!

Что жизнь, когда не наслаждаться?

Куда годимся безъ спрасшей?

Безъ нихъ, нѣтъ смертнова глупей;

Безъ наслажденій жить, — перзашься.

И такъ, прими шы мой совѣтъ:

Не прашь дней жизни драгоцѣнной,

Возжги Килридѣ огнь священій

И принеси ей свой обѣтъ. —

Придушъ, придушъ часы ужасны,

Когда угаснушъ чувства спрасшны;

Когда осипнешся хошьшъ;

Но ахъ! — не лѣзя уже имѣшъ —

Придушъ минуты тѣ нещасшны

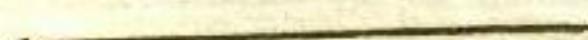
Когда нась осень посѣтишъ,

И самое пройдешъ желанье —

Чтожъ будешъ пищей? — вспоминанье,

Что худо мы умѣли жиши.

Александръ Клужинъ.



К А И Б Ъ,
состоуяя повѣсть.

* * *

Каибъ былъ одинъ изъ восточныхъ Государей; имя ево наполняло вселенную: слава твоя, говорилъ ему некто изъ стихотворцевъ, слава твоя была бы подобна солнцу, ешьли бы оно не заходило. Каибу нравились хорошия сравненія: и за это пожаловавъ ево въ Евнухи, сдѣлалъ смотрителемъ надъ своею сералью. Богатства Каивовы были неизчерпаемы; дворецъ ево, говоришъ испорикъ, былъ обнесенъ тысячю яшмовыхъ столповъ, коихъ кашели были изумрудные Коринфскаго ордена, а шумбы изъ чистова лишева золота; дворецъ сей былъ сдѣланъ изъ чернова мрамора, и стѣны ево были споль гладко выложены, что лучшіе щеголихи смотрѣлись въ нихъ, какъ въ зеркало. Окны были пропорціи новѣйшей Италіянской Архитектуры, не много болѣе шово, какъ дѣлающія городскія вороша, и во всякомъ окнѣ было

только по одному стеклу; но некоторые были такъ тверды, что пощаливъшія мужья нынѣшняго времени не въ состояніи были бы прошибиши ихъ своимъ лбомъ. Крышка была изъ листового серебра, но столь чисто отработанного, что часно въ ясныя дни цѣлой городъ сбѣгался ко дворцу думая, что онъ горитъ; когда всю сю превогу производило одно ея сияніе. Замѣть любезной читатель, что все это говорить Каибовъ историкъ. Внутреннее великолѣпіе дворца поражало всякова кшо шуда ни входилъ: просмолюдимовъ ослѣпляло золото, жемчугъ и каменья, коихъ было болѣе, нежели орнографическихъ ошибокъ въ нашихъ новыхъ писателяхъ. Знамоковъ привлекало искусство блестящее во всѣхъ украшеніяхъ дворца: тамъ развѣвали завѣсы изъ непроницаемаго штофу, копорой былъ толще всѣхъ четырехъ частей беседующаго гражданина, переплѣтенныхъ вмѣстѣ; тамъ блестала рѣзьба ошѣланная съ такою чистотою, что ни какой бы авторъ не пожелалъ видѣть

лучшей чистоплы на переплеть своихъ сочиненій; многіе комнаты украшены были живописью, обманывающею зрѣніе, и надобно отдать справедливость Каибу, что хотя не пущалъ онъ ученыхъ людей во дворецъ, но изображенія ихъ дѣлали не послѣднее украшеніе ево спальнамъ; правда сихъ хитрорукихъ были бѣдны, но безмѣрная щедрость ево награждала всликой ихъ недоспашокъ: Каибъ велѣлъ рисовать ихъ въ богатомъ илать и ставить въ лучшихъ комнатахъ свое дворца ихъ изображенія; ибо онъ искалъ всячески поощрять науки; и подлинно не было въ Каибовомъ владѣніи ни одного смихонворца, кошорой бы не завидовалъ своему портрету. Въ другомъ мѣсце, продолжаетъ испорикъ, видны были изъ драгоцѣнныхъ первые чучелки сдѣланные съ такимъ вкусомъ, что сколько ни спарались придворные дамы подражаніе имъ въ пестротѣ своихъ одеждъ; но часпо съ досадою видѣли, что на прекрасныхъ чучелокъ любовались болѣе нежели на нихъ. Въ иныхъ мѣсахъ рѣзви-

лись на золотыхъ цѣпочкахъ забавные обезьяны, которые кривлялись съ такою пріятноштю, чио искуснейшіе придворные спавили за чеспъ у нихъ перенимашь; а не рѣдко, по слабости человѣческой, выдумки обезьянъ выдавали за свои; ошъ чево между тогдашихъ обезьянъ и придворныхъ была великая вражда, о коей испорїю въ тридцаши шесши томахъ въ листъ издала шамошняя Академія.) Тамъ на великолѣпныхъ пьедесталахъ блисали Каибовихъ предковъ бюсты, которые высокоспью работы не уступали своимъ высокимъ подлинникамъ. Внутреннія комнаты сво убраны коврами столь рѣдкой красоты и цѣны, чио величайшіе Цари, современники Каибовы, прѣѣзжали играшь на нихъ шемелой, и приказывали испорїографамъ записывать ешо въ число величайшихъ своихъ подвиговъ. Зеркала сво хошя были по двенадцати аршинъ длиною, изъ чистой стали; но не столько починались рѣдкими по своей величинѣ, какъ по свойству данному имъ нѣкошорою волшебницею: зеркала сii

имѣли даръ показывать вещи въ тысячу разъ прекраснѣе нежели они есть: спарикъ видѣлъ себя въ нихъ молодымъ красавцемъ, извѣшалая кокешка пяднашцами лѣтнею дѣвушкою, уродъ пригожимъ, а разгильдай ловкимъ. Совсѣмъ шѣмъ Каибъ никогда въ нихъ не смотрѣлся; а держалъ для однихъ своихъ придворныхъ, и по для шово, чтобъ забавляться видя, какъ ошвранишельнѣйшиe лица передъ сими зеркалами спорятъ о своей красошѣ, и заводятъ ссоры, которыми Каибъ любовался. Тысячи попугаевъ говорили въ сво кѣшкахъ скро-
поспижные вирши; многіе изъ сихъ попу-
гаевъ были красноречивѣе тогдашихъ Ака-
демиковъ; хотя Академія Каibova почита-
лась первою въ свѣтѣ пошому, что ни въ
какой Академїи не было такова богатова
набора плѣшивыхъ головъ, какъ у нево, и
всѣ они бѣгло читали по шолкамъ, а иногда
очень чопико писали къ пріятелиамъ писмы
Совсѣмъ шѣмъ многіе уступали въ красно-
речїи попугаямъ, изъ коихъ многихъ Каибъ
любя ученошть, сдѣлалъ членами Академїи

только за то, что они умели выговаривать чистенько то, что выдумалъ другой.] Что жъ до изобилія, то Каибовъ дворъ превосходилъ онымъ всѣ вос точныя дворы, и послѣдній ложкомой Каибовъ ълъ вкуснѣе, нежели у Гомера Цари. Календарь Каибова двора былъ составленъ изъ однихъ праздниковъ, и будни были шамъ рѣжь, нежели именины Касьяновъ.

Сераль сво былъ наполненъ первыми красавицами въ свѣшь, изъ коихъ не было ни одной старѣе семнадцати лѣтъ. Сколько фабрики ни спараются нынѣ доходить до совершенства въ составленїи румянъ; но лучшіе румяны показались бы дикими въ сравненіи съ природнымъ румянцемъ послѣдней изъ сто Султаншъ. Дѣвушки сво не поршили своихъ прелестей излишними женствами; онѣ не падали въ обморокъ отъ пауковъ и шаракановъ для тово, чѣбы размешаться прѣятнѣмъ для глазъ образомъ; когда находила на нихъ задумчивость, споль обыкновенная семнадцатнemu женскому возрасту, то не прини-

мали они чистильнова, что бы имѣть лучшій цветъ лица. Великолѣпные єво конюшни наполнены были рѣдкими лошадьми, кошорые были стапнѣе нашихъ щегольковъ и послушнѣе первыхъ єво Визирей. Ледники єво трещали подъ тяжестью вкуснѣйшихъ винъ. Сами Боги, говорятъ, съ удовольствiемъ напивались въ єво погребахъ допьяна, и предпочитали вины єво нектару, которой опоспѣлъ имъ съѣхъ поръ, какъ спихошворцы начали разливать єво своимъ героямъ такъ же небережно, какъ дабы льющъ коровамъ помои.

Весь свѣтъ взирая на Каиба почиталъ єво щасливымъ: типографщики наживались издавая пресолстые книги о сво бла женstвѣ. Когда спихошворцы тогдашнего времени хотѣли описать торжества Боговъ, и райскія веселія; то не иначе къ тому присступали, какъ доставши черезъ какова нибуль свиуха случай вшерешься между музыкантовъ, что бы посмотрѣть придворнаго великолѣпія и серальскихъ

иразниковъ; однакожъ и на то не смотря описанія ихъ божескихъ пировъ часто пахли гнилою соломою, на каторой они сочи-
нены.) Весь свѣтъ кричалъ что Каибъ ща-
спливъ, и одинъ только Каибъ зналъ, что
ето не правда; но онъ никому ешова не го-
ворилъ, боясь, что бы не сочли его неблаго-
дарнымъ пропиву благодѣяній судьбы, чево
онъ всегда осперегался. Онъ часто въ сво-
ихъ стихотворцахъ читалъ описанія свое-
го щастія, и смеялся пустому ихъ вооб-
раженію; или иногда завидывалъ для чево
не былъ онъ такъ же слѣпъ, какъ они,
чтобъ видѣть себя только со щасливой
стороны. Какъ бы то ни было, а Каибъ
не сполько былъ щасливъ, сколько о немъ
кричали: въ сердцѣ ево останавлилась какая
то пусиона, которую не могли дополнить
окружающіе ево предметы. Придворные
господчики, женщины, обезьяны, попугай,
ничто ево не увеселяло: на все ешо съ вы-
сокаго своего преспола смотрѣлъ онъ по-
звывая, иногда улыбался на скочки обезъ-
янъ, или на кривлянья придворныхъ; но

въ сихъ улыбкахъ видно было болѣе сожалѣнія нежели удовольствія.

Весь дворъ примѣчалъ что онъ былъ задумчивъ; но никто не могъ выдумать чѣмъ бы ево позабавить; и оберъ шупъ ево двора, которої былъ шуповатѣе всѣхъ Италийскихъ оперъ вмѣстѣ, съ отчаяніемъ видѣлъ, что высочайшій ево владѣтель уже два мѣсяца не давалъ ему щелковъ по носу: всѣ ешо замѣтили и заключили, что онъ уже не въ такой большой силѣ у двора какъ былъ за два мѣсяца; когда къ досадѣ своихъ зависпниковъ всякой день получалъ онъ пинковъ по двадцати въ задѣ, по спольку же щелковъ по носу, и показывалъ всѣмъ на бокахъ своихъ знаки Каивовой къ себѣ милости.

Но что была за причина Каивовой скучки? Ешо чево никто не зналъ; а что всево чудище, то ешо и самому ему было не известно. Онъ чувствовалъ, что ему чево то не достаетъ; но не могъ познать въ чѣмъ ешо недоспашокъ; ему казалось что онъ

одинъ во всей вселенной, или что еще ближе, какъ будто былъ иностраникъ между миллионами людей имъ одолженныхъ, которые не могли ево разумѣть, ни помочь ево скукѣ.

Сперва подумалъ онъ, что сему причиню любовныя желанія, и бросился искать щастія въ сердца; но самые скромные девушки показались ему кокетками, кошорые желая ему угодить, искали только своей пользы: правда, всякая изъ нихъ хопѣла, чтобъ на нее брошенъ былъ Султанской плащокъ; но часпо болѣе для тово чтобы шѣмъ досадить своей совмѣстницѣ; нежели сдѣлать ево щасливымъ. Желаніе ему нравилось было смѣшано во всѣхъ сердцахъ съ желаніемъ корысти, или съ честолюбіемъ; онъ замѣтилъ по повшоренію, что всѣ привѣтствія, всѣ ласки выучены были наизусть, и въ мѣсяцъ сераль шакъ ему наскучилъ, что онъ переспалъ въ нево заглядывашь, и заключилъ, что не съ спой стороны долженъ искать щастія.

Каибъ вздумалъ потомъ, что скорѣе все-
ко разгонитъ грусть свою новыми побѣда-
ми; повсѣль — и вдругъ армія многочислен-
нѣе древней Ксерковой и неуступающая
въ храброси Грекамъ умершимъ при Тер-
мопилахъ, была готова, и двинулась собы-
рапь лавры. Война загорѣлась, — откры-
лось полѣ славы для героевъ и для стихо-
творцевъ; сочинители мѣлкова разбору за-
чали заготовлять пирамиды одѣ; надѣясь
при первомъ случаѣ сбыть ихъ за хоро-
шую цѣну. Многіе жоны посьдѣлыхъ ге-
роевъ заранѣе любовались передъ зеркала-
ми, сколь пристанѣтъ къ нимъ трауръ,
итвердили науку упадашь въ обморокъ,
что бы пользовалася ею, когда принесущъ
къ нимъ вѣснь о кончинѣ ихъ мужей, куп-
цы возвысили цѣну на чорные матеріи,
сочинили епишафій сдѣлались не при-
ступны.

Первые двѣ побѣды одержанные Каибо-
выми войсками привели сво вѣ восхищеніе,
шрешью новосиль о побѣдѣ слушалъ онъ
равнодушнѣе, наконецъ зачалъ уже зѣвать

слушая такіе новости, и рѣшился дашь
свѣту ошдыхъ. Войски возвратились ог-
ремененные славою и корыстями; а Каибога
зѣвоша не уменшилась, и онъ не безъ зав-
спи вѣралъ, что полунагіе стихотворцы
ево болѣе ощущали удовольствія описывая
ево изобиліе, нежели онъ ево вкушалъ.

Въ одну ночь, удивляясь неодолимой
своей скукѣ, ворочался Каибъ на своихъ пыж-
ныхъ пуховикахъ, и сонъ, какъ будто не-
смѣя войти въ царскую спальну, заспа-
влялъ храпѣть въ ближней комнатѣ сво-
служишелей. Вдругъ увидѣлъ онъ что ево
любимецъ кошъ гонялся за мышью. Она
всячески старалась опѣтъ не возвращаться.
Такъ точно часто челобитчикъ желаетъ
увернувшись опѣтъ подарки своему судѣ; но
напрасно заговариваешь онъ съ нимъ о ду-
ной погодѣ и о хорошей, о старыхъ врем-
нахъ и о нынѣшихъ; хотя бы заговорилъ
онъ съ нимъ о Емпедокловыхъ туфляхъ;
взялъ и опѣтъ нихъ искусно скло-
нившись речь на то, что ему надобны день-
ги. Тоже происходило и у мыши съ кошомъ:

стараясь ево обманывать, металась она въ разныс спороны, искала спасенїя по всѣмъ угламъ . . . и вдругъ вскочила къ Султану на кровать. Какая бы красавица, утерпѣла при семъ прекрасномъ случаѣ, что бы не броситься съ постѣли спремглавъ, не подняпъ содому, не скликать весь свѣтъ, ежели можно, и наконецъ, что бы по томъ не упасть раза два три въ обморокъ. Но Каибъ былъ неуспрашимъ: онъ не боялся мышей, пауковъ, таракановъ, и съ радостю бѣдную мышку принялъ подъ свое покрови-
тельство; при томъ же начишался; ибо онъ любилъ ученоспи, и тысячу одну ночь всю зналъ наизустъ, онъ начишался что въ шакихъ случаяхъ дѣлаются великія чудеса, какъ прекрасная Шехеразада, сей неподра-
жаемой историкъ его предковъ свидѣтель-
ствуетъ; а Каибъ вѣрилъ сказкамъ болѣе нежели Алкорану, для иного что они обма-
нывали несравненно пріятнѣе.

Дѣло и подлинно кончилось чудомъ: ме-
нѣе нежели въ минуту гонимая мышь пре-
вратилась въ прекрасную женщину. Какой

вздоръ! скажетъ любезной мой читатель; но прошу не дивиться: въ Каибовъ вѣкѣ была такая мола на чудеса, какъ нынѣ на Аглинскія шляпки, и тошь домъ въ кишоромъ не случалось въ недѣлю, покрайней мѣрѣ два чуда, былъ таѣ же смѣшонъ, какъ нынѣ домъ, гдѣ не играютъ въ карпы.

Каибъ, сказала ему превращенная женщина, ты спасъ мнѣ жизнь: должно, чтобъ я уладила твою: благодѣяніе рождаешь благодарность. Проси ошь меня, чево ты хочешь, и я въ минуту исполню твое желаніе, хотя бы оно цѣлило на богатства всево свѣта. Великодушная Фея! вскричалъ удивленный Каибъ, не имѣю я нужды въ сокровищахъ: они споль велики, что сколь Бизири меня ни обворовывающъ; но ущербъ въ нихъ, таѣ же мало примѣщенъ, какъ ущербъ въ Езоповой рѣкѣ, которую хопѣли выпишь жадные собаки; и я надѣюсь, что мои собаки таѣ же перелопатаются прежде, нежели вылакаютъ море моихъ сокровицъ; изъ сево можешь ты заключить нужноль мнѣ желаніе ихъ болѣе.

Сколь ни безцѣнною великой нашъ Муфтий
почишаешь свою бороду, но ешьли бы захо-
тѣлъ я соблазнить чеснока стова шар-
ца, чтобы всю ее могъ скучиншъ по волоску,
ни мало не разстроивъ своихъ богатишвъ. У
меня нѣть такъ же недоспашка въ краса-
вицахъ: природа меня не обидѣла, и мой
взглядъ сще не находилъ ни одной спорщи-
цы въ любви, столько то одаренъ я спо-
собностію нравишися: впрочемъ состояніе
мое споль блесняще, чио спустя еще
семдесѧть лѣтъ, не будешъ при моемъ
дворѣ ни одной Венеры которая бы не за-
хопѣла меня имѣть своимъ Адонисомъ, и
хотя природа стаиетъ имъ противоре-
чишь; но воображеніе конечно ее побѣдитъ.
Можеть быть пожелалъ бы я славы; но
спихотворцы мои, хотя и спятъ сами на
открытомъ воздухѣ; а мнѣ на спроили
столько храмовъ славы, чио ешьли бы
можно было ихъ соспавить вмѣстѣ на
земль; то бы вышелъ изъ нихъ городъ
пространнѣе Пекина и великолѣпнѣе древ-
няго Рима; и такъ ты видишь чио мнѣ

ни въ чёмъ нѣтъ недоспашка; совсѣмъ
тѣмъ я зѣваю, и по счому то одному ло-
гадываюсь, что мнѣ чево нибудь не до-
спасть; но что ето шакое, шово ученѣй-
шіе изъ моихъ подданныхъ отгадашъ не
могутъ. Каибъ, сказала ему волшебница,
желаніе швое исполниліся: я знаю, чио
нужно къ швоему блаженству. Исполни,
чио написано на ешомъ перстнѣ (при семъ
подала она ему перстень) завтра по утру
начни свой трудъ; но берегись ево оспа-
вишь; какъ же скоро успѣхъ увѣнчаешъ сво-
ю не будешъ человѣка на земль, которой
бы могъ съ шобою сравняться блажен-
ствомъ; проспи, и помни, чио я всегда
готова къ тебѣ на помощь; какъ же скоро
буду я тебѣ нужна для какова нибудь со-
вѣшу, то вотъ тебѣ цѣлой томъ одѣ
ново изъ безпрѣшныхъ спроишелей хра-
мовъ славы; едва прочрешь шы одну спро-
фу, какъ на тебя найдешъ безпамятство,
въ сїе шо время буду я тебѣ являться и
давашь нужныя наставлени. Проспи, Го-
сударь, повторила волшебница, и въ мигъ

изчезла. Каибъ отворотясь къ стѣнѣ захрапѣлъ, оставя до упра изслѣдованіе дѣла, онъ даже, подивись прекрасной и любопытной полѣ! онъ даже не посмотрѣлъ, чѣмъ написано на перстнѣ.

На другой день нашелъ онъ на немъ вырѣзанные сїи слова: „спутай не медля, и „ищи человѣка, которой бы назывался твоимъ врагомъ не зная, что тебѣ любишь, и „которой бы тогда же назывался твоимъ „другомъ не зная, что тебѣ ненавидишь; „потѣ въ которомъ увидишь ты сїе прошиворѣчіе, одинъ можешь излечить тебѣ „отъ твоей зѣвоты.,, Вонъ довольно огромная для перстня надпись скажешь критикъ . . . можешь ли она умѣститься на перстнѣ; ешо несъроятношть! . . . очень сожалѣю когда сѣть нынѣ такъ испортился, что не вѣришъ сказкамъ; въ прочемъ вообрази Милоспивой Государь мой, такой перстень, на каторомъ бы вся эта надпись помѣстилась, и критика изчезнешъ — но гдѣ же взять такую руку, каторой бы впору былъ ешотъ перстень?

Спросяшъ меня опять. О! кто знаетъ Го-
ліафа и Ашланга, чтобъ побѣришъ, что на
ихъ перстняхъ можно было уписать бо-
лье, нежели на надгробныхъ доскахъ людей
нынѣшихъ вѣковъ.

Милоспивѣйшій Государь! сказалъ Каибу-
шушъ увидя сюю надпись, перстень стопъ
есТЬ явное на меня гоненіе моихъ непріятѣ-
лей.— Почему ты ешо думаешь? Спраши-
валъ ево Каибъ. Повелитель правовѣрныхъ,
продолжалъ шушъ, тебѣ совѣтуюшъ лѣ-
чишься отъ скуки, и не прописываюшъ
меня лѣкарствомъ: не явное ли ешо желаніе
унизить мой санъ и силу? Какъ будто бы
моя священная должность смѣшишь Ваше
Величество ничево не значила. Не опасайся
отвѣчалъ Калифъ, изо всѣхъ моихъ Визи-
рей никто такъ хорошо какъ ты, соро-
кою не скачетъ; и такъ мои милости къ
тебѣ непоколебимы. Еще слово, Государь,
вскричалъ шушъ цѣлуя ево полу: время по-
жирающее все, можетъ и меня лишить мо-
ихъ способностей служишь Вашему Вели-
честву, и я потеряю свою легкость, опа-

сясь, чтобъ враги мои шогда не возпор-
жесстивали, предпріялъ я заранѣ оставилъ
дворъ — Пусшое, пусшое! кричалъ Каибъ,
развѣ не можешь ты при моемъ дворѣ сы-
скашь дѣла: выучись къ тому времени пол-
зашь черепахою. Шушъ еще разъ поцѣло-
валъ полу ево одежды, а Каибъ не ска-
завъ исшиннаго произшествія своею пер-
спиця, зачалъ въ самомъ дѣлѣ заниматься
своимъ предпріяшіемъ.

(Продолженіе впередъ.)

Иванъ Крыловъ.

О Д А

на

п р е в р а т н о с т ь ж и з н и .

*

*

*

Надъ шокомъ тихихъ водъ и чистыхъ
Нависла гордая скала,
Въ своихъ разсѣлинахъ кремнистыхъ
Травой, мхомъ вѣнчимъ обросла.
Висезапу вѣшры бурны воюшъ,
Спихїю гладку рвами роющъ;

Вскрутились, вздулися валы,
 Ярь с другъ въ друга ударяютъ,
 Хребтами берегъ подмывающъ;
 Онъ рухнулъ — слѣдъ пропалъ скалы.

* * *

Тверда шакъ слава въ свѣтѣ наша,
 Пока дарами счастье лъстивъ;
 Пока полна обилья чаша
 Питаешь шѣло, духъ живишъ;
 Пока мы многимъ обладаемъ
 И въ мысляхъ къ большему лещаемъ. —
 Скриви Фортуна свой полешъ! . . .
 И се мы жалки и унылы,
 Живищельной лишились силы,
 Все равно ешьли мы иль нѣшъ.

* * *

Богачъ! гдѣ велелѣпны домы,
 Ты въ коихъ въ золотѣ, въ лучахъ,
 Концертовъ слушалъ спройны громы,
 Плылъ шонной роскоши въ спруяхъ,
 Иль спалъ на персяхъ нѣги сладкой? —

Увы! то чувствъ восторгъ былъ крашкой.
Судьба богатствъ тебя лиша,
Съ презрѣнными тобой сравняла:
Вспомня чпо была . . . чпо сшала,
Твоя терзаящая душа.

卷之三

Гдѣ блескъ, шы коимъ былъ возвышенъ,
Ласкатель шонкій, Царскій другъ!
Гдѣ мощь твоя и санъ твой пышенъ?
Гордыней твой пимался духъ.
Но вдругъ шебя Фортuna учишъ:
Царь гибкоспью твою скучишъ,
И померкаешъ весь твой свѣтъ.
Сколь духъ къ опчаянью твой близокъ!
Предъ кѣмъ былъ гордъ, предъ шѣмъ шы
низовъ,
И спалъ презрѣнїя предмѣтъ.

中 华 书 局

Герой, Ареевъ подражашель!
Весь въ лаврахъ, въ славѣ, въ торжествѣ,
Градовъ, земель завоевашель,

Ты громокъ, счастливъ въ существѣ.
 Но вѣчноль чась твоя высока? . . .
 Средь быстрого побѣды шока
 Скрежещѣй смерть, разиши косой:
 Вся слава въ гробѣ хладномъ скрыта;
 Трофей твой — урна лишь омыла
 Сыновъ опечестила слезой.

* * *

Такъ; все сверкаешь здѣсь мгновенно
 И изчезаешь такъ, какъ сонъ;
 Вещественъ міръ и все въ немъ бренно:
 Намъ смершимъ всѣмъ одинъ законъ.
 Честь, злato, шипы знамениты
 Отъ рока слабыя защиты.
 Что жизни цѣль? — премѣны зреши.
 Родимся плакашь и смѣявшись,
 То въ верхъ лешишь, то въ низъ спускаешься,
 Всего въ добавокъ, умерешь.

* * *

Почшожь, о смертны! суевимся,
 Потѣхъ для вещей такихъ,

Которыхъ вѣрно мы лишимся
 И не вкусивъ пріятства въ нихъ?
 Мы кличемъ счастіе прямое:
 Но точно что оно шакое,
 Того не постигаемъ мы.
 Въ мѣрахъ огромныхъ наськомы,
 Горами движемъ, мещемъ громы
 И силимъ слабые умы.

* * *

Часъ придетъ — колоколъ унылой
 Исходъ изъ жизни возвѣститъ:
 Пождемъ того съ душевной силой,
 И насть ничто не возмутишъ.
 Есть вѣчно быть въ покой средства.
 Не спанемъ бѣгать мы отъ бѣдства,
 Однихъ пороковъ убѣжимъ;
 Не спанемъ счастію въ слѣдъ гоняшься,
 Къ добру лишь будемъ прильняшься
 И волю Промысла почтимъ.

Андрей Бухарской:

Т Е А Т Р Ъ.

(Продолженіе.)

К о м е д і я.

Хотъ Комедія еспь забавная картина приключеній, и хоша главная цѣль ея смѣшишъ зрищелей дѣйствіемъ своимъ, однакъ много еспь и такихъ комедій, кооторыя извлекаютъ и слезы, и въ коорыхъ примѣшно существенное различіе отъ Трагедіи и Драммы, какъ въ свойствахъ, такъ и въ самомъ родѣ письма, каковы на примеръ Тщеславный Нанина и тому подобныхъ изъ переводныхъ. Сколько ни производишъ нашъ Исдоросль смѣху; но еспь мгновеніе въ чешвертомъ дѣйствіи, въ коорое у зрищеля выступитъ слеза. И такъ, кажется я справедливо замѣтилъ, что въ природѣ ни смѣхъ ни плачъ не могутъ быти въ одномъ положеніи двадцать четыре часа.

Сколь много произошедшій различныхъ ежечасно обращашся въ нашихъ глазахъ,

споль многоя являемся и содеряній для комедїи, и сколь ни многоразличны сїи содерянія; но они шакъ часы, чпо сочинишаю поистребно великое искусство и трудъ возбудить вниманіе къ тому, чпо всегда обращаеіся передъ нами и обыкновенностию своею ни какого въ насъ особеннаго впѣчашленія не производишъ: а при томъ произвѣсти такій смѣхъ, за кошо рый бы благоразумный зришель не упрекалъ себя послъ, есьть дѣло великаго ума.

И такъ не всякий смѣхъ, и не всякая шушка приспойны комедїи: благоприспойность, умъ и остроша суть свойства Таліи, кошорая въ шушкахъ своихъ споль же разборчива, сколько Мельломена въ своемъ величествѣ: Талія осмыываешъ пороки и шущинъ надъ слабостями; но не менше Мельломены спремишся прославляшъ добродѣтель.

Смѣшишъ безъ разума даръ подлыхъ души.
Сказалъ Сумароковъ, и сей спихъ отца Россійскаго шеатра довольно силенъ, чтобъ

заградишь усна тѣмъ хощунствующимъ
писателямъ, коиорыс полагаютъ первымъ
достоинствомъ въ комедіи развратный
Двужначенія или по модному *Еквиоки*. Какъ
всякое состояніе и свойство прилично дѣй-
ствію комедіи, что равномѣрно всякое со-
стояніе, полъ и возрастъ забавляются
представленіемъ комедіи. Я не понимаю,
какъ можно отважишься, чтобъ зритель
въ полной надѣждѣ на благопристойность
зрѣлища могъ услышать слова, коихъ са-
мое прикрытие покроетъ лицо его краскою!
Машь везеть дочь свою въ шеширъ: отецъ
юнаго сына, дабы они видѣли дѣйствую-
щее училище благонравія: но еспѣши вмѣ-
сто того услышишъ юная невинность чпо
то шакое, чего она не понимаетъ, и чему
отецъ ихъ смеется съ отвращеніемъ:
а машь закрываешься опахаломъ, гдѣ убѣ-
гутъ родишли отъ разкаянія, что пода-
ли сами случай дѣшямъ ко вредному любо-
внышству? Съ какимъ лицемъ примушъ во-
просы дѣшей, и съ какимъ спыдомъ и за-
мѣшащельствомъ откажутъ они изполко-

ваніе того, чого бы сами никогда слышать не хотѣли? Запрещенная шайна обыкновенно подстрекаетъ любопытство Вонъ забава, которая на долго рождаетъ досаду: а можетъ быть и вредными сопровождаться будеть слѣдствіями; а комедія должна забавлять и просвѣщать вмѣстѣ . . . Смѣша говорить правду.

Въ выраженіи смѣшиТЬ съ разумомъ замыкается обширное понятіе: ибо гдѣ нѣть благопристойности, тамъ нѣть и разума: шушки разума никогда не простираются до дерзости, разумъ полагаетъ весьма великое различіе между словами осмѣять и обругать. Первое дѣйствіе усыпяя порочныя дѣйствія сердца и души рождаетъ разкаяніе и твердую решительность убѣгашь впредь порока; а послѣднєе ожесточаетъ сердце и рождаетъ злобу, которая обнаруживается мщеніемъ, какъ единственнымъ своимъ послѣдствиемъ: всякъ легко разсудишь: остановился ли разумъ хощя на одно мгновеніе въ выборѣ первого: разумъ и въ самомъ осмѣяніи избираетъ спо-

сэбы достойные себя. Всякая остроша, еспъли она одобрена имъ становиця прѣпною; а единая колкость безъ благоразумія не заслуживаещь быти помѣщаема въ комедіи.

Не мудрено выдумать смѣшное для просаго народа; но трудно произвести улыбку на лицѣ просвѣщенномъ: не мудрено выдумать смѣшныя положенія; но мудрено въ самомъ смѣхѣ показать блесташельную нравственность: комедія *Жорж - Дандинъ* со всемъ искусствомъ Мольеровыемъ кроме одного смѣху и разврата ни чего не производицъ, и кажется, будто сочинитель хощѣль осмѣять простодушнаго Дандина давая всегда торжествовать безпушной его женѣ... мнѣ все то не нравится, гдѣ порокъ торжествуетъ.

Комедія прогая забавою сердца зрителей включаетъ въ свое дѣйствіе отъ вышняго и до нижняго состоянія: она не осуждаєтъ къ плачу Монарховъ, какъ трагедія; а показываетъ, что на престолѣ,

въ черпогахъ великолѣпныхъ равно и въ хижинѣ землѣдѣльца утѣхи существовать долженствующій. Только по различности состоянія различные свойства забавъ предстаавляющій. Она изображаетъ намъ, что законодашель творя блаженными подданныхъ своихъ находишъ въ ихъ любви свое собственное блаженство, и часы отрадъ его споль же пріятны его сынамъ, сколько труды его доспавляющій имъ отрадъ; землѣдѣлецъ орошая землю своимъ пошомъ съ великою радостію пожинающъ плоды со вверенныхъ ей семенъ; онъ возхищающся обогащаю себя и многимъ соопечесвенникамъ своимъ доспавляя пищу, разумѣющся за деньги: купецъ въ обращеніи своей торговли находишъ свое упышеніе, воинъ въ побѣдахъ; судья въ правосудіи: и такъ вездѣ комедія находишъ забаву и упышеніе; съ другой спороны входишъ она во всѣ изгибы сердецъ и во всѣ тайныя движения души, и гдѣ бы ни крылся порокъ или слабость, она найдешъ и обнаружишь забавнымъ своимъ образомъ.

Слово ся должно быть равно съ со-
стояниемъ представляемыхъ лицъ: онъ
есть тошъ, который всегда употребляется
въ разговорахъ общежитія; но при томъ
сколько возможно, во всѣхъ правилахъ язы-
ка. Здесь то ощущенійный вкусъ дол-
женъ явиться во всемъ своемъ блескѣи,
поколику обыкновенія Россіянъ, ихъ нравы,
ихъ свойства, и всегда случающіяся произ-
шествія представляются тѣмъ же самимъ
Россіянамъ, съ которыхъ дѣйствій срисо-
ваны дѣйствія комедіи: (я изключаю тѣ,
гдѣ представляются чужестранныя содер-
жанія) и чѣмъ ближе комедія подходитъ
къ симъ образцамъ, тѣмъ больше сочинитель
долженъ иметьъ искусства, чтобы сочине-
ніе его не опознавалось личносшю, что на-
шешарѣ не терпимо, и достойно презрѣнія,
если не наказанія. Свойство комедіи
срывать маску съ порока такъ, чтобы
тошъ, кто и увидитъ себя въ семъ забав-
номъ зеркаль нравоученія, во время пред-
ставленія смылся бы самъ надъ собою, и
возвращался бы домой со впечатлѣніемъ

возбуждающимъ въ немъ иѣкоторый внутренній судъ, за коимъ слѣдуешь по спо-
намъ изправленіе.

И такъ вкусъ покажется въ выборѣ со-
держанія, въ обставлениіи его свойствами
усиливающими выгодность дѣйствія, въ
самомъ очерпаніи сихъ свойствъ, въ вы-
держаніи постепенно умножающейся при-
вязанности зрителей, и наконецъ въ са-
момъ выраженіи свойственномъ каждому
свойству. Изполня все сіе сочинишиль не
совсѣмъ еще увѣренъ въ успѣхѣ своего со-
чиненія; должно съ великимъ раченіемъ
изныпывать сердца зрителей и приорав-
ливать къ ихъ вкусу свой, дабы успѣть
произвести въ нихъ то самое дѣйствіе,
которое предполагаешь: во всякомъ состо-
яніи есть особенный пріемъ, чѣмъ можно
сму понравиться; а познаніе сихъ пріе-
мовъ есть наука весьма трудная для сочи-
нишеля; пользовавшися же симъ познаніемъ,
и изъ сихъ частныхъ пріемовъ составить
нѣчто общее, которое бы могло вѣмъ
нравиться Вонъ истиинный вкусъ,

въ которомъ Россійская комедія найдешь
весь свой успѣхъ.

Удивительно мнѣ показалось въ напечатанной въ прошедшемъ мѣсяцѣ критикѣ, что сочинитель оной не нашелъ говорить ничего на шеатръ слугамъ, а про послѣянъ нашихъ сказалъ только, что они въ дыму закопались . . . Я о слугахъ буду говорить въ свое мѣсто; а нынѣ мимоходомъ замѣчу то, что многие Петербургскіе жили въ прогулкахъ своихъ по набережной ежедневно лѣтомъ видѣть могутъ, когда сіи простодушныя послѣяне обѣдающъ или ужинающъ на баркахъ. Они сидя кружкомъ около своей чаши сперва отдаютъ оброкъ своему желудку, и какъ голодъ, подобно сердитому ихъ спроситъ, ворчашь на нихъ переспанеть, тогда они вмѣсто лесерпа начинаютъ разговаривать вѣсело: какъ бы я желалъ, что бы мой критикъ послушалъ ихъ разговоровъ: онъ бы нашелъ въ сихъ разговорахъ столько острооты въ своемъ родѣ, которая бы его удивила, а что болѣе, сія остроота всегда наполнена злра-

вымъ смысломъ; я много разъ возхищался симъ пріятнымъ зрелищемъ, и съ удовольствіемъ слушалъ, какъ они старались одинъ другаго сказать остроѣ, и часто слыхалъ ихъ насмѣшки, когда кто нибудь изъ нихъ, думая сказать замысловато, да молвить не въ попадѣ. Теперь я спрошу, кто образовалъ сюю въ нихъ способность? Не спорю, что ихъ шушки грубы и замысловатость проспта; но гдѣ же она и не шакова въ посѣлянахъ . . . Дѣло вкуса обработашь и украсишь сюю природу: но отнюдь не выходишь изъ ея круга.

Всякое состояніе тогда только возхищается собою въ комедіи, когда оно понимаешь, что это дѣйствіе его собственное, но такъ украшено, и такій имѣешъ прелестный видъ, которымъ бы представляемое состояніе съ удовольствіемъ само себя украсишь захощъло, или бы по крайней мѣрѣ увидѣло шого возможность . . . Говоряшъ, надобно Ивану Рускому строишь шалашъ изъ миртовъ, которыхъ со всемъ въ Россіи нѣть: Иванъ не осмѣлился и

войши въ подобный шалашъ, а есъли онъ увидишъ шалашикъ изъ березокъ или ли- почекъ украшенный Васильками смѣло и ве- село шамъ сядешъ. Я видѣлъ по дорогѣ отъ Могилева къ Смоленску торжествен- ная вороша сдѣланная изъ сѣна и соломы, и украшенная нашими полевыми цвѣшами, кошорыя поражали взоръ всякаго своимъ видомъ, а особливо въ нѣкошоромъ отда- леніи Вонъ, чтио можешъ сдѣлать вкусъ изъ Рускихъ припасовъ!

Что собственное свое болѣе насть къ себѣ привязываешьъ, нѣжели чужее, это испинна не оспоримая, слѣдовашельно Россійскія со- держанія должны быть украшаемы на ша- ширѣ и вкусомъ Россійскимъ; а безъ того всегда будешъ успѣхъ сомнителенъ, разу- мѣется въ сердцахъ тѣхъ зрителей, ко- рые сами себя любяшъ, любя свою отече- ственность; а не тѣхъ, кои по модѣ за- бывъ сами себя думаюшъ, что люди толь- ко иностранцы; а не они: то какого же успѣха ожидалъ должно отъ переводовъ, гдѣ сочиниша думалъ только о нравахъ и

вкусъ своей земли и писалъ красотами своего языка, не помышляя ни о чёмъ другомъ?

Комедія напримѣръ *Тщеславный* лучшее швореніе Дешушева ума, на Россійскоѣ шеатрѣ показывающъ безобразную смѣсь прошивную нравамъ и законамъ нашимъ. У насъ законы запрещающъ жениться брату жены моей на моей сестрѣ; а равномѣрно и свадебные контракты, по колику не они составляюшъ существенную священность брачныхъ узъ, у насъ не существуюшъ; и хотя бы спо контрактовъ было подписано, безъ вѣнчанія всѣ они ничего не значащъ: но пароусы же наши учреждены для прошепта или засвидѣтельствованія долговыхъ, а не брачныхъ обязательствъ: сверхъ же этого и самая свойства образованныя во нравахъ чужей земли кажущаясь въ Россіи дики, отъ чего и самая наивеличайшая красоты теряющъ нечто изъ своихъ прелѣстей, я уже не говорю, что красоты словесныя совершенно исчезаютъ въ переводѣ.

Нѣкоторые переводчики предпріяли было изправить сей недоспашокъ при переводахъ: они спали переводинъ комедіи, и передѣлывать ихъ на Рускіе нравы: но всякая комедія передѣланная на Рускіе нравы въ представлениіи имѣла одинъ только недоспашокъ въ Рускихъ обычаяхъ.

Есть ли уже должно непремѣнно, чтобы въ Россіи на театръ были подражанія, шо въ шакомъ случаѣ я бы думалъ удобнѣе всѣго подражать разположенію и красопамъ изобрѣсенія, нежели при буквальномъ переводе весьма не къ спашѣ приклонять свойства чужїя къ нашимъ нравамъ, и не успѣвашь ни въ шомъ ни въ другомъ: это похожъ на то, какъ бы кто хотѣлъ на женщину наряженную въ подканокъ надѣть фуро съ фапою: мнѣ кажется, гораздо лучше изъ кисеи или дымки сшить душегрѣйку; но и щушъ будешь нѣсколько странно; наши просплюдимки по слабоумію своему предпочитающъ для нарядныхъ душегрѣекъ парчу новомоднымъ полосатымъ атласамъ и шканому воздуху.

Правда: есть множесіво свойствъ шако-
выхъ, которыя общи всему роду человѣ-
ческому, и шаковыя комедіи почши ничего
не теряютъ въ переводе въ разсужденіи
главнаго свойства; но и тутъ весьма много
можетъ вспрѣтииться несходства съ на-
шими обыкновеніями, которое соображать
или весьма трудно, или со всемъ невоз-
можно. А именно: главное свойство буду-
чи обспавлено другими необходимо нужны-
ми, служащими ему ошѣнками, которыя
придающъ ему большую живность и яр-
кость, и которыхъ взаимныя отношенія и
самая связь всегда основываются на нравахъ
земли представляемаго народа, откуда по-
черпаецца и самый образъ ихъ изъясненія:
слѣдовательно и выходить чувствитель-
ная разность во всемъ съ нами; но кро-
мъ состояніи все сїе побѣдить, и такъ пе-
редѣлать комедію, чтобы она показалась
Рускимъ швореніемъ, тошъ вѣрно съ мень-
шимъ трудомъ можетъ самъ сочинить
выбравъ свое собственное содержаніе: а
разность будеть въ томъ ша что

творческія красоты всегда предпочитались
над ражапельнымъ.

Съ самаго начала Россійскихъ зреищъ
вошло въ употребленіе, во многихъ нашихъ
комедіяхъ называть действующія лица,
Клишандрами, Милонами, Ерасшами, Дра-
гимами и тому подобными; но у насъ
безъ нарушенія учтивости ни кого наз-
вать не льзя однимъ только именемъ, или
однимъ прозваньемъ: скажешь можешьъ
быть, что найдешся кто нибудь изъ зри-
телей того имени и отчества, то чтобы
онъ не счелъ себѣ обидою, когда порочное
лице будешьъ ему Теска: но когда можно
выдумывать имена Милона, Честона, то
для чегожъ бы не быть на писатрѣ и Ми-
лону Чеспоновичу: а при томъ по чему
обидно чеспному на примѣрѣ Гаврилѣ Ни-
колаевичу, если найдется какій нибудь
бездѣльникъ, котораго зовушъ тѣмъ же
именемъ и отчествомъ? При имени и
отчествѣ слѣдуешьъ и прозваніе, коупо-
рымъ у насъ совершенно одинъ опѣ друго-
гаго ошмѣняющія: а иначе не было бы ни

одного Якова въ Россіи для того только, что Яковъ Янсенъ измѣнилъ *Петру Великому* подъ Азовымъ.

Я бы хотѣлъ узнатъ, чѣмъ скажетъ благородная невѣсма своему благородному жениху, когда онъ пришелъ къ ней скажетъ: *Софья! каково ваше здоровье?* Она скажетъ: *я здорова, а ты, Максимъ! здоровъ ли?* Побожиши можно, что послѣ эдакихъ вопросовъ, одинъ другому скажетъ, ты не умѣешь жиць . . . и въ рядъ ли свадба состоится? Но въ комедіяхъ это непочищается за неучтивость . . . Чѣмъ шому причиною? Мы наглядѣвшись переводовъ, которые сдѣлали въ насъ первое впечатлѣніе на шеапръ, съ трудомъ осмѣливаемся прибѣгнуть къ испинному изпачнику, то есть къ самой природѣ и къ своему обыкновенію: осмѣлился одинъ, прѣемъ зришней оправдалъ его смѣлость, и теперь назначающъ уже наблюдать вѣжливость въ названіи именемъ и отечествомъ. Скажутъ мнѣ, что это мѣлочи неспоющія замѣчанія, но однакожъ эти мѣлочи дѣлающъ

привычку удаляющую насъ отъ нашихъ обычаевъ: для чегожъ и въ самыхъ мѣлочахъ имъ не слѣдовашъ.

Теперь приспушаю я къ разсмотрѣнію самыхъ свойствъ, кошорыя могутъ бысть въ комедіи, и къ разобранію шѣхъ пороковъ и недоспапиковъ, кошорыя осмѣивашъ имѣешъ право комедія.

Осмѣивашъ должно тѣ одни недоспапики, кошорыя происходяшъ отъ нашей воли; а не отъ естесства: отъ первыхъ изправившися состоишъ въ нашей же волѣ: а послѣдніе не могутъ бысть изправлены ни чемъ, слѣдовашельно смѣящься надъ ними значитъ оскорбляшъ самую природу. Недосташки душевные, нравственныя пороки и слабости подлежатъ комической шуткѣ, испорченное сердце и злая воля суть пища комической сатиры. Но какъ всякое состояніе произвоила себѣ комедія, то и должна она искать во всякомъ состояніи нѣкоего благородства, дабы не смѣшать забавы съ отвращеніемъ. Между людми бы-

Часть III.

И

вающъ какъ великия добродѣтели, такъ на прошивъ шого и подлые поступки, которые при одномъ воображеніи обѣихъ гадки, слѣдовашельно и театра не доспойны; бывающъ такъ же и самыя пресиупленія, кои не принадлежишъ до театра.

Сказано, что не одною сапирою занимашся комедія, но употребляешь ся для шого единственно, чтобъ выставинъ въ примѣръ добродѣтель, явить сколь сладостныя ушѣхи находишъ она сама въ себѣ; а иногда показашь, что человѣкъ, сколь бы ни преданъ былъ сей спрогой исполнительницѣ повелѣній разума, имѣеть иногда свои предновенія; дѣло комедіи открыть способы или избѣгнушъ сего предновенія, или излѣчиться онѣ оного. Изъ чего ясно видно, что сія шоль доспойная человѣческыя забаека не должна ограничиваться однимъ намѣреніемъ смѣшишь, а шѣмъ не мѣнѣе всякой легко можешъ разсудиши, должна ли комедія унижашся изображеніями подлости, неприспойносши, буйства и дерзости?

Всякая природа въ своемъ обнаженіи мало привлекательна, а вкусъ въ украшеніи, кажется, обновляетъ ее; и такъ прежде всего сочинитель долженъ, показать его выбравъ содержаніе въ замысловатомъ она-го сплѣщеніи оживленномъ въроящемъ, безъ чего въ комедіи будешь видно одно ребяческіо, чѣмъ изобилующъ всѣ Феичес-кія представлѣнія, ешьли они не замыкающъ въ себѣ яснаго нравственнаго ино-сказанія; при томъ весьма ясно изъ самаго первого вступленія должно обнаружить главное намѣреніе въ сочиненіи, и оно то есть шотка, къ кошорой всѣ дѣйствія устремляются: благоразумный зришель по-спигнувъ намѣреніе во первыхъ сдѣлаетъ надъ нимъ свое сужденіе и оправдая или обвиня оное ожидаетъ по сему продолже-нію дѣйствія одобренія отъ своего сердца, и по тому судишъ о частномъ намѣреніи каждого явленія и такимъ образомъ сии ча-стные намѣренія служатъ къ подкрѣплѣнію главнаго . . . Вопръ по моему мнѣнію ка-кимъ образомъ долженъ сочинитель разпо-

лагать очерпаниe своей комеди, въ чём успѣя, онъ успѣлъ уже въ цѣлой половинѣ своего предпріятія, и хотя ни чѣо не обязываешь сочинишеля въ рабскомъ послѣдованіи своему очерпанию, онъ всегда власпенъ при первой встрѣчѣ выгоднѣйшаго воображенія къ поправленію своего плана, и къ украшенію его всѣми цвѣтами разума; но чтобы всѣ сїи поправки и украшенія служили къ приведенію его къ большему совершенству; а не къ разрушенню.

Въ семъ случаѣ благородство комическое состоинъ въ томъ, чтобы не выбрать произшесшій площадныхъ или подобныхъ тому содержаній, которыя именовашь запрещаешь благопристойность, и хотя порочныя дѣйствія существующіе всегда въ общежитіи, и хотя комедія необходимо должна изображать оныя естественными красками, однакожъ великая и существенная разность находящаяся между отвращеніемъ къ пороку и отвращеніемъ къ сочиненію; а въ семъ то самомъ и замыкается все искусство сочинишеля, чтобы успѣть

въ первомъ и совершенно избѣгнуть по-
слѣдняго. Съ произошедшемъ связано со-
вершенно мѣсто представлѣнія, и сочини-
шель долженъ весьма остерегаться, чѣобъ
не представить очамъ зрителя явленія сво-
его тамъ, куда ни одинъ порядочный че-
ловѣкъ не пойдетъ; а равномѣрно и всякое
смѣшливое снѣченіе обстоятельствъ
дѣйствію комедии не пристойно. Какая
польза выводить на позорище такія явле-
нія, коиорыя законами наказующія и през-
рены добрыми нравами!

Не меныщая осмотрительность потреб-
на въ свойствахъ лицъ сославляющихъ
дѣйствіе: лицо порочное терпимо, пріят-
но видѣть его страданіе и самое наказаніе
по заслугамъ; а спокраину пріятнѣе ви-
дѣть его исправленіе и средства къ тому
 побуждающія; но лицо позорное выводить
на театръ прошивно благочинію здраво-
мыслящихъ людей: слѣдовашельно благо-
родство должно существовать во всѣхъ
чарахъ каждого свойства нужнаго для со-
ставленія комическаго дѣянія: еспѣли бы

напримѣръ хотѣлъ сочинитель представить горькаго пьяницу во всѣй его гнусности, я увѣренъ, чтобы зришели при появлѣніи споль подлаго лица разѣхались съ сожалѣніемъ и досадою, что посыпили такое непристойное зрелище; но напротивъ шого много видано въ комедіяхъ пьяныхъ лицъ, кои съ осторожною разборчивостью будучи сочинены, производили великий смѣхъ а при томъ и пріятный; сочинитель умѣлъ найти и въ семъ положеніи нѣкое благородство.

Въ образѣ изѣясненія яко въ главнѣйшемъ высшавленіи вкуса сочинителева сїе благородство или благопристойность должны являться въ полномъ своемъ видѣ, поколику всякое свойство выражая свои чувствованія можешъ или возвыситься или унизишься; а поколику всякаго дѣйствовашелъ успами говоришъ сочинитель, и изѣясняешъ собственныя свои мысли, и собственнымъ своимъ слогомъ, хотя и принаравливашъ его къ нарѣчію дѣйствующа-

го свойства; то и долженъ употреблять все вниманіе, сколько позволяешьъ качеству этого лица облагородишь его выраженія; но которыя отнюдь не должны удаляться отъ природы: многія сочинили чувствуя нужду сего правила подумали, что Россійский крѣпоспный слуга будешъ низокъ на шеашръ, и не заблаго разсудили войти во внутренность сего состоянія и съ приложеніемъ испытавъ, что можно извлечь изъ него, рѣшились по образцу Французкихъ комедіи высшавлять нашихъ слугъ Криспинами, и увѣрили себя, что они правильно поступили, когда вложеныя остроплы въ роли сихъ слугъ производили громкій смѣхъ въ шеашръ. Но я думаю о шомъ со всѣмъ напропивъ: я хочу видѣть крѣпоснаго своего слугу въ собственномъ его видѣ возбуждающаго прѣятный смѣхъ; и со всѣмъ имъ никогда не позволю ему говорить на мой щепъ колкой остроплы и мнѣ въ глаза, и когда я въ бѣседѣ съ равными мнѣ, ни когда ему вмѣшавшися въ нашъ разговоръ такъ же не позволю.

И такъ еспѣли главное стремленіе сочинителей комедій избирасть таковыя свойства, кошорыя не нарушая ни мало благопристойности въ самомъ своемъ основаніи смѣшны, но какъ всякая вещь виднѣе при своемъ противуположеніи, подобно бѣлый цвѣтъ при чорномъ, то не лъзя поспавить въ порокъ комедіи включающей въ себѣ прощающее, и самое плачевное нѣчто, хощя бы оное нѣчто было и главнымъ ея основаніемъ: а при томъ искусство сочинителя можетъ произвести въ зришель со всемъ противное дѣйствію представляемому: часо на шеатрѣ дѣйствующія лица радуются; а зришель плачущъ, дѣйствовавши плачущъ; а зришель смеется; напримѣръ я видѣлъ въ одной комедіи онца и мать обнимающихъ дѣтей своихъ со всѣю горячностію родительскою; дѣтей лобзающихъ руки даровавшихъ имъ жизнь, и въ самое то время казалось, что сердца ихъ спорили о превосходству въ своемъ долгѣ, любви и горячности; зришель не могъ опредѣлить кому отдать преимущество; ро-

дышельскимъ ли попеченіямъ о благѣ дѣшой, или дѣской любви и послушанію къ родишелямъ; и сїя радующаяся семѣйственная картина извлекала у всѣхъ пріятныя слезы, и кажеся всякий пожелалъ видѣть у себя дома подобное произшествіе всякий день: вѣ комедїи же скупой Гарпагонъ плачешь о потеряніи своихъ денегъ; но слезы его и жестокое изступленіе прѣмлющія отъ зришель громкимъ смѣхомъ.

(Продолженіе будеъ впредь.)

Счастье и несчастье.

Всѣ люди счастья ищущъ,
И не довольны всѣ судбой,
За лучшимъ жребьемъ всюду рыщущъ;
Но жребій шотъ ужъ спалъ иной,
Какимъ его воображали,
Какъ шолько мы его снискали.
Мы къ счастью: а оно отъ насъ:
Мы отъ несчастья убѣгасиъ,

Но мы несчастіе встрѣчаемъ
Во всѣхъ мѣстахъ, и всякий часъ.

Пускай же всякий, кто какъ хочетъ,
Трудится, мучится, хлопочетъ:
И счастье и несчастье вздоръ
Однихъ мечтаний ложныхъ споръ . . .

Предъ счастьемъ шапки не ломаю,
Не пялю на него глаза;
Несчастье жъ по носу щелкаю
И не боюсь его шуза.

Я всемъ на свѣтѣ семъ доволенъ,
Когда я не бываю боленъ:
Улыбка и суровый видъ
Меня Фортуны веселитъ
Друзья мои въ веселье скачутъ,
Какъ счастливъ я кажуся имъ:
Когда жъ я случаюсь гонимъ,
Они же за меня и плачутъ.

Однажды мнѣ друзья сказали,
Что я бышъ долженъ очень радъ

Случайно сдѣлавшись богатъ.
 Веселья всѣ ко мнѣ предстали:
 А какъ сей счастія изволъ
 Мой сдѣлалъ очень вкуснымъ столъ,
 То каждый день друзья шолами
 Шли въ домъ мой скорыми шагами,
 Числу ихъ я и счетъ забылъ:
 Иный сервизъ мой похвалилъ,
 Понравился десертъ другому;
 Иный всю воздаль честь портному
 Смотря на модный мой кафтанъ:
 Другій, что перышень мой прекраснъ,
 Что Солищеръ великъ и ясенъ:
 Скажи . . . какъ дорого онъ данъ? —
 И словомъ ихъ веселы гласки,
 Вѣщамъ моимъ являли ласки:
 Мое хвалили все друзья . . .
 На все похвальна речь гопова
 Лишь только обо мнѣ ни слова . . .
 Не правдали, что счастливъ я?
 Друзья на перерывъ забавы
 Искать спарадились сильно мнѣ:

Кто сильный былъ знамокъ въ винѣ,
 Тотъ вкуса моего для славы
 Мнѣ славный погребъ показалъ:
 А кто охопникъ до музыки,
 Тотъ мнѣ концерты учреждалъ;
 Таланты славны и велики
 Явились въ домъ у меня.
 А кто свой хитрый умъ плѣня
 Моихъ червонцевъ красою ;
 Тотъ честной карточной игрою
 Забавно подчиваля меня;
 Но такъ устроилъ то искусно,
 Что ему лишь было вкусно
 И съѣсть его лишь былъ карманъ . . .
 Игра, всѣ знаютъ, не обманъ . . .
 И словомъ всякъ былъ лакомъ къ кусу,
 Который былъ ему по вкусу:
 И сдѣлался для всѣхъ мой ломъ
 Веселостей однихъ содомъ:
 А я, какъ будто управиша
 За все лишь денежки платилъ . . .
 Въ шуму забавъ, я скучно жилъ.

Одинъ ушъхъ моихъ рачишаъ,
 Который всѣхъ, и все ругалъ,
 Меня въ глаза лишь не замалъ
 Мою примѣтишь вздумалъ скуку,
 И мнѣ любовную науку
 Хишренько началь шолковашъ,
 И шѣмъ успѣль себѣ доспашъ
 Тысняги двѣ рублишекъ;
 А эшо вѣдь въ любви не лишекъ;
 Красавицу увидѣль я . . .
 Не правдали, что счастливъ я ?

Глаза ея огнемъ блисшающъ,
 Сердца которымъ возналяющъ:
 Ея прелѣшна бѣлизна
 Равнялась съ бѣлизною снѣга;
 Пріятность на лицѣ вишина,
 Въ улыбкѣ же скрыта нѣга . . .
 И розовъ на щекахъ игры
 Румянцу успѣя равнялись;
 На груди гордо воздымались
 Крупныя нѣжны двѣ горы;
 Карминовы на нихъ вершинки,

Чушь видны были изъ подъ дымки:
 Прелѣстный, тонкій сианъ и стройный
 Украсилъ видъ благоприятный,
 Опъ коего божекъ любовь
 Поставилъ козырькомъ бы бровь:
 Укроминька нога ея
 И какъ хлончашая бумага
 Рука красавицы сея
 Сія всѣхъ прелѣстей ватага
 Отъ неї юрнула мнѣ въ глаза,
 Да въ сердцѣ мигомъ и застѣла . . .
 Смотрю: а шамъ и закинѣла
 Любовна у меня гроза . . .
 И эша милая прелѣста
 Аши моей уже невѣста . . .
 Хотя моя прелѣста сироша;
 Но гдѣ шлесна красота,
 И гдѣ душевныхъ чувствъ дородство,
 Такъ шумъ не надо благородство.

Я спрашъ любовную онкрыль
 Взаимной спрашью счастливъ быль . . .
 Мы дружка дружкъ дали слово,

И къ свадьбѣ было все готово . . .

Не правдали, что счастливъ я?

Но вдругъ! . . . увы! ахъ! зло! рокъ
люпый!

Разверзся земля! и скрой
Мои злосчастныя минуты
И спрасанный сердца пламень мой! . . .
Не солнцель въ шверди померкаешь?
Или вселенна видъ теряешь?
Не спонушъ ли моря, лѣса . . .
Ахъ! лъзя ли быть сему въ природѣ?
Конечно лъзя . . . не чудеса
По ясной и сухой погодѣ,
Чтобъ землю дождикъ покропилъ.

Съ прелѣшой я въ шеашрѣ былъ . . .
Сидѣли въ ложахъ въ нижномъ рядѣ
Всѣ въ модномъ барыни нарядѣ
И сей прекрасный шоль нарядѣ
У всѣхъ на одинакѣй ладѣ . . .
Послѣдней моды на уборы
Прелѣстини лешали взоры . . .

Вездѣ одну встрѣчали шаль.
Прелѣсту тронула печаль,
Горька ей сдѣлалась судбина,
Безъ шали чѣо она едина . . .

Влругъ строгій мнѣ приказъ отъ ней,
Чтобъ завѣржъ шаль родилась ей . . .
Пришло изполнишь повелѣнье:
На чѣо тушъ много разсужденье,
Лишь надобно сказать изволъ . . .
Прелѣстъ зрелище не нравно;
Ни чѣо безъ шали не забавно;
Въ головушкѣ ужасна боль . . .
Пришло сыскать ся карету . . .
Она отправилась домой . . .
„Процай, приказъ изполнишь мой!“

На завѣрѣ поскакалъ я эту
Шаль модную вездѣ искать;
Гостиный дворъ кругомъ тошишь
Но ахъ! куда я ни совался,
А шали въ Рускихъ лавкахъ нѣшь
Проспякъ! на силу догадался,

Чтобъ ъхать мода гдѣ живешъ,
 Во иностранны магазеи,
 Куда за Англицки замѣи
 Иль за Французкій милый вздоръ
 Бываешь денегъ Рускихъ сборъ . . .

,,Что вы, Мусье! изволъ? товаровъ
 ,Беренъ на мой всѣ знаны бары. — — ,

Мнѣ шаль нужна мусье, мой другъ? —
 „Мой очень жалко шаль весь вдругъ
 „На знаные сеньеръ возмили;
 „Нѣшь больше шаль у насъ . . . годили,
 „Я выпишишъ минога шаль.
 „Ешо што нада? Все изволи;
 „А шаль на магазей нѣшь боли — — ,

Хотя того мнѣ очень жаль
 Прѣхалъ я къ моей невѣспѣ . . .
 Безъ шали спалъ постылъ прелѣстѣ:
 Такъ шали нѣшь, сказала мнѣ . . .
 Сударыня! я шѣмъ размученъ . . .
 Оставь сударь меня . . ты скученъ . . .
 Возможноль? шали нѣшь . . . ахъ! шакъ . . .

Оставь меня . . . какий дуракъ! . . . ,
Дуракъ! вонъ это мнѣ забавно . . .
Еранишься . . . право это славно . . .
Такъ все дурачество узнай . . .
Вонъ вѣнчъ оно . . . на вѣкъ прощай . . .
Я съ шѣмъ съ красавицей разспался
Мгновенно я домой помчался . . .
За шаль разѣхалась любовь . . .

Прелѣсной спрасши вѣ сердцѣ жало
Уже меня не возпаляло,
И охладѣла вѣ жилахъ кровь,
Изчезло вѣ мысляхъ и прельщенье,
Не правдаль, что несчастенъ я?

О семъ какое сожалѣніе
Явили залпомъ мнѣ друзья!
И всякий мнѣ изъ нихъ казался,
Что онъ вѣ несчастнѣй погружался,
И слыша ихъ жалѣнья гамъ
Почти имъ вѣ томъ повѣрилъ самъ.

Спустя, не помню сколько времія
Меня жестокой боли бремя

Принудило въ постылю лѣчь:
 Они со мной равно спрадали,
 И шопчасъ мнѣ врача примчали,
 Чтобы болѣзнь мою пресѣчь,
 И чтобъ не прекратишь мнѣ вѣку,
 Я часто посыпалъ въ Аптеку.

Ужъ мѣсяцъ цѣлый я спрадалъ,
 А лѣкарь мнѣ не помогалъ,
 И мучили одни припадки
 Меня ошѣ лютой лихорадки,
 По упру врачъ ко мнѣ пришелъ
 Съ весельемъ на меня глядѣлъ . . .
 Сказалъ: „вы всшанепе съ постыли
 „Здоровымъ черезъ двѣ недѣли „ . . .
 Я жду шого . . . приходитъ срокъ;
 А я лишь больше занемогъ . . .
 Мой лѣкарь очень разсердился,
 И крѣпкою рукой пуспился
 Меня обманщикомъ браницъ . . .
 „Я знаю, шы здоровъ конечно . . .
 Я радъ бы быль шому сердечно . . .

„Не слушаю твоихъ я словъ:
 „Я врачъ, тебя я больше знаю,
 „И ешьли я съ здоровьемъ поздравляю,
 „Такъ ты ужъ долженъ бысть здоровъ:
 „А ты лежишишь напрасно,
 „Мою чтобъ славу помрачить,
 „Или чтобъ мнъ не заплатить . . .
 „Такъ знай, что я вступлюсь ужасно
 „За мой презрѣнныи вами трудъ:
 „А ешьли спащешь опирашься,
 „Больнымъ холъ мало приворяшься,
 „За то спащу тебя я въ судъ
 „И буду я просишь формально. ,,

Толь увѣреніе нахвалино,
 Хотъ облегченья нѣшъ совсѣмъ,
 Сто рубликовъ съ меня содрало,
 И лѣкаря тошчасъ нестало,
 А я не излечился тѣмъ . . .

Привѣсни хощѣли мнъ другова
 Не шакъ, каковъ быль эшотъ злова:
 А тошъ сказалъ, . . . болѣзнь твоя
 Ни чѣмъ уже неизлечима
 И смерть твоя необходима . . .
 Не правдаль, чио несчастенъ я ?

Не знаю, отъ чего случилось,
 Мое здоровье изцѣлилось,
 Какъ я осипавилъ лѣкарей . . .
 Одно лишь сдѣлалось препятство
 Изчезло вдругъ мое богатство;
 Не вижу больше я друзей . . .
 Куда же всѣ они скрылись?
 Они знать въ слезы погрузились?
 И вѣрно сѣ горя не хощашъ
 Во мнѣ умножишь грусти яль
 Унылый видъ мнѣ свой являя.
 Вошь сколько огорчила ихъ
 Моя напасшь — судбина злая!

А я избавившись отъ нихъ
 Смѣюся эдакой печали . . .
 Хоть деньги всѣ мои пропали
 Пропали у меня друзья . . .
 Да не пропалъ ни мало я . . .
 Я счастья въ шомъ не поспавляю,
 Когда сума моя толста,
 Злосчастья же со всѣмъ не знаю,
 Коль совѣсть у мене чиста.

О ДВОРЯНСТВѢ.

Дворянство есть лестное преимущество, которое возвышаетъ заслужившихъ его болѣе другихъ людей, по той мѣрѣ, какъ добродѣтель ихъ отличаетъ. Оно преходишь къ дѣшамъ съ именемъ ихъ отцовъ; но ешо такое почченное наслѣдство отъ кошораго должно оказалось, если не хощашъ принять его со всею его тяжестью, и кошорое требуетъ отъ шого, кто хочетъ сохранить его съ честью столько же достоинства и добродѣтели, какъ и отъ шого, кто оное прѣобрелъ.

Награжденія вообще слѣдующій за дѣлами и признательность ожидаешь услугъ. Здѣсь сей порядокъ, кошорой кажется споль еспечесвннымъ, опровергается: дворянство, кошорое есць награжденіе добродѣтели, не всегда дается, когда достоинства его прѣобретающъ; оно предлагается съ тѣмъ, чтобы быть доснайно заслуженнымъ. И такъ въ семъ случаѣ не столько по ревнованію, но и по признательности трудится: не услуги оказывають, но долгъ платятъ.

Государи награждая добродѣтель, каже-
ся имѣюшъ два вида главныя, оба равно
похвальные; одинъ со спошь въ томъ,
чтобъ награждать добродѣтель, а другой въ
томъ, чтобъ возбудиши сими похвальными
отличностями ревнованіе своихъ поддан-
ныхъ. Благородный человѣкъ, который не
чувствуетъ сполъ похвальныхъ чувствова-
ній, измѣняющъ свое му государю, обма-
нывающъ законъ, гнушающъся добродѣтелю
своихъ предковъ: и для того благородство,
кошорое было плодомъ оные, не можетъ
сдѣлать ему чести. Онъ употребляющъ
во зло самое блиспательное отличіе. Онъ
оскверняющъ сїи знамѣнишыя права полу-
ченныя имъ отъ своихъ родителей, коимъ
они споили нѣкогда толикикъ трудовъ.
Онъ не спарается о усовершенствованіи
драгоцѣнѣй часии наслѣдства, кошо-
рое они ему оставили.

Сверхъ того я нахожу шумъ сугубую не-
благодарность, которая есть самый подлый,
и менѣе всего просиншельный порокъ: не-
благодарность къ своимъ предшественни-

камъ, коихъ имя они безчестяще; неблагодарность къ своему опечесиству, у котораго оспнимающъ они подпору и защитника, хотя оно сохраняющъ имъ всѣ ихъ преимущества.

Можешь быть, думаеше вы, что они отреклись отъ нихъ, и не ожидаеше, чтобъ съ споль мало благородными чувствованіями соединенъ былъ упорный духъ гордящійся дворянствомъ: оставше си мысли: они непрестающъ представлять сихъ великихъ мужей, коихъ память помрачаютъ: они намъ повѣспываютъ ихъ подвиги, говоряще о ихъ добродѣтели, не помышляя, что они чрезъ то наказываються за свою подлость сравненіемъ служащимъ къ ее осужденію.

Ни въ чемъ несть у нихъ недостатка, изъ сихъ блестательныхъ наружностей, и изъ сего великолѣпнаго прибора, въ которомъ они споль много находятъ пріятности: они подобны тѣмъ пышнымъ философамъ, которые показывали поддѣланый видъ и поступь истинныхъ филозо-

фовъ: они ложные мудрецы, благородные хищники, коихъ щеславная внѣшность обольщаетъ и только чернь.

Сколько ни достойны почтенія тѣ, кои сохраняютъ своимъ потомкамъ дворянство неповрежденнымъ, которое они получили отъ своихъ предковъ, и которое сохранили съ чеснѣю; но еще славнѣе предавать, такое дворянство, коимъ одолжены самимъ себѣ. Не льзя сомнѣваться, чтобъ не знаменишись было возвысить низкую породу собственnoю своею добродѣтелю, нежели изъявлять чувствованія соопѣтствующія блестательности выокаго поколѣнія.

Но что скажемъ мы о сихъ людяхъ, которые не уважая памяти своихъ предковъ, не имѣя приверженности къ своему опечеству, великодушія, склонности къ добрѣтели, почтенія къ своему пошомству, погубляютъ въ нѣдрахъ порочной лѣносги славные плоды тягчайшихъ трудовъ; и съ глупымъ равнодушіемъ взираютъ на блестательные успѣхи своихъ современниковъ, и себѣ подобныхъ? Какъ будто бы чужая

слава давала право на покой, кого не заслужили; какъ будто бы состояніе тѣхъ, кои наслѣдующій героямъ, было лучше, нежели состояніе самыхъ героевъ, и какъ будто бы можно было наслаждаться всѣми почестями геройства, не преодолѣвъ онаго трудности.

Размышленія о критикѣ.

Критика, какъ Анатомія, доведена до такого степени тонкости, которая дѣлаетъ чеснѣкъ нашему вѣку: но какою несчастною судьбою весьма многіе за нее берутся и вмѣсто исправленія, только что портишь; вотъ на что ошѣивъ, трудно получить отъ многихъ самолюбивыхъ кришиковъ.

Между тѣми, кои не имѣютъ ни порядка ни вкуса, находятся такіе, кои, чтобы пріобрести выгодное о себѣ мнѣніе, рѣшились все хвалить, другіе все хуить. Какую должно приписывать цѣну сизхождению другихъ? Я зналъ такого человѣка, который чистосердечно вѣрилъ, что все на-

печатанное хорошо; что ешо за человѣкъ? скажутъ мнѣ, и много ли такая искренность имѣешъ примѣровъ? Но сїя мнимая разборчивость все охуждающая, болѣе ли достойна почтенія? Сїи ложныс судии похищающъ честь, чево всегда должно остерегаться.

Гдѣ же находятся знапоки? Вездѣ, гдѣ есть просвѣщеніе и ошкровенность. Они супъ шѣ, кои менѣе всѣхъ говоряшъ, мало удивляюшся; но коиорые чувствишильно поражаюшся высокимъ; коиорые хваляшъ съ удовольствіемъ хорошее, порочатъ худое, но безъ Ѣдкоспи; коиорые извиняюшъ нераченіе, прощаюшъ ошибки, и знаютъ, что ешьли человѣкъ можешъ иногда вознесись выше самаго себя: то онъ еще чаще упадашъ, чтобъ заплашишь дань заблужденію.

Н . . . требуешь, чтобъ оправдали хорошее выраженіе, но которое кажется оптважнымъ; поспигаешъ ли онъ красому его? Искать причины удовольствія, значишъ въ половину сбо чувствованій.

Свойственno и выгодно живому языку обогащаться ежедневно новыми выражениями, коими счастливые умы его наполняютъ. Требовать, чтобы доказали геометрически отношения воображениемъ открытыя, значитъ признаваться что ихъ не чувствуютъ.

Отвергать всѣ выражения, которыхъ не были употребляемы, и принимашь только извѣстныя, значитъ спѣснить духъ, упушшай его и вводишь въ писмословіе холоданость и сухость, которые бы тошачь привели его въ слабость. Извѣсно, что не все сказано; справедливѣе сще, что всѣ способы изречений, всѣ изъясненія извѣстныхъ понятій, коихъ начало находишся въ душѣ не изощрены и никогда не изощщаются; и такъ для чегожъ побуждать безпреспанно новѣйшихъ писателей къ подражанію? Великіе умы не имѣли въ немъ нужды; такое ихъ было преимущество. Гомеръ, Корнель, Боссюеши никому не подражали. Если полезно для образованія своего вкуса учиться хорошимъ образцамъ,

дабы самому учинишься образцомъ и показать высокость духа; то необходимо такъ же нужно ихъ позабывать.

Оsmѣлюсь ли я дашь рѣшеніе, которое покажется оскорбительнымъ, для чрезмѣрныхъ почишашелей Расина знаменитаго, что Корнель его превышаешь не только по важности мыслей, по высокости понятій и слѣдственno по изяществу слога; но и почистотѣ реченія. Я хочу сказать, что Корнель хотя не рѣдко полагаетъ старины выраженія, кошорыя были въ употреблениі, когда онъ началъ писать, не сполько часто нарушаешь чистоту языка какъ Расинъ; хотя сей кажется ведешъ красоту, несравненно продолжительнѣе. Не будемъ предубѣждены: единое изслѣдованіе должно решить нашъ судъ. Каждой можешь его произвести. Ешьли всѣ повидимому говорятъ въ пользу Расина въ разсужденіи красоты и чистоты языка, что ешо пошому, что онъ будучи вообще яснѣе нежели Корнель, менѣе требуетъ вниманія. Но несварающія искать несовершенствъ въ па-

комъ писателъ, котораго понимаютъ всѣ; которой нравится и прогасъ. Справедливо поступающъ такимъ образомъ въ разсужденіи Расина; однако изъ того не должно заключить въ предосужденіе Корнелія, который свободно писалъ стихи, коихъ Расинъ искалъ. Потому что онъ честно употреблялъ проспые обороны и неправильныя выраженія, хотя его мысли бывающъ всегда ощущишельны и довольно ясны.

Романы, когда они хорошо писаны, могутъ послужить ко образованію вкуса въ нѣкоторыхъ частяхъ; но они повреждаютъ сердце тѣмъ дословѣрнѣе, что пленяютъ его увеселеніемъ: чтеніе худыхъ романовъ есть язва для ума и сердца.

Удобность хорошо писать какъ въ стихахъ такъ и въ прозѣ, зависитъ отъ вдохновенія; она не снискивается, она производитъ отъ духа.

Презришели, или лучше сказать весьма спротивѣ судїи древнихъ, осуждающъ иногда то, чего не понимаютъ, какъ въ выраже-

ніяхъ, такъ и въ нравахъ того времени; чрезмѣрные защищины древнихъ такъ же весьма часно удивляюшся шому чево не понимающъ.

Горацій совѣтовалъ читать древнихъ, а особливо Грековъ; однако современники Гораціевы и самъ Горацій сушь древніе, коихъ мы наиболѣе почищаемъ. Надобно сдѣлать иѣкошорый вычесъ и съ той и съ другой стороны; онъ ничево не говоришъ о Овидіѣ, не хвалишъ Виргилія, не почищаешь Плавша: и шакъогда, какъ и нынѣ, было въ употребленїи не показывать удивленія къ доспоинствамъ и дарованію своихъ современниковъ. Нужно было дабы прїобрѣсть уваженіе въ сѣни бывь мертвымъ, или покрайней мѣрѣ надлежало бывь чужестранцомъ. Не толи же самое происходишь и въ наши времена?

Перев. съ французкаго.

зато също отъ българе да иматъ достъп
къмъ тъканите, а чистотата и пропускливостта
на тъкани иматъ голямо значение за здравето

и дълголетието на човека.

Също така чистотата на тъканите е важна за здравето

и дълголетието на човека.

Също така чистотата на тъканите е важна за здравето

и дълголетието на човека.

Също така чистотата на тъканите е важна за здравето

и дълголетието на човека.

Също така чистотата на тъканите е важна за здравето

и дълголетието на човека.

Също така чистотата на тъканите е важна за здравето

и дълголетието на човека.

Също така чистотата на тъканите е важна за здравето